

Михаил Уржаков

Дом, который построил Майк.

Хроники Кулуангвы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29603134
ISBN 9785449039415*

Аннотация

Если и существует феномен интересного чтения, то роман М. Уржакова тому пример. И уже то, как лихо закручена одна линия леди Дианы Спенсер, чего стоит. И географической безграничностью повествования: от злчных мест загнивших от пресыщения Европ до расцветающей под живыми лучами учения чухче Северной Кореи. Да, Ким Ир Сен тоже один из персонажей. Как, впрочем, и Слава Бутусов с Умкой, Шевчуком из «ДДТ» и др., вплоть до размякшего под кумаром дальневосточной конопли старшины Маменгалиева.

Содержание

ВАНУА-ЛЭВУ	8
БОСТОН	12
ПРОЛОГ	27
ПАРИЖ	29
ВАНУА-ЛЭВУ	35
ВАНУА-ЛЭВУ	38
ВАНУА-ЛЭВУ	44
ТОРОНТО	48
ВАНУА-ЛЭВУ	54
ЧАРЫН	56
ВАНУА-ЛЭВУ	60
САЙГОН	62
КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ	64
ХУРМУЛИ	73
САЙГОН	76
ЛОНДОН	80
САЙГОН	82
РЭДХИЛ	84
ТОРОНТО	87
ВАНУА-ЛЭВУ	89
РЭДХИЛЛ	90
ТАШКЕНТ	93
ЛОНДОН	96

ЕКАТЕРИНБУРГ	98
ТИБЕТ	100
ЛОНДОН	102
ЕКАТЕРИНБУРГ	103
ВАНУА-ЛЭВУ	106
ВАНУА-ЛЭВУ	109
ОТТАВА	113
ЕКАТЕРИНБУРГ	114
Косточка	115
ЕКАТЕРИНБУРГ	116
ВАНУА-ЛЭВУ	118
Лев и собачка	122
КОПЕНГАГЕН	123
АМСТЕРДАМ	125
ВАНУА-ЛЭВУ	126
НЬЮ-ЙОРК	135
СВЕРДЛОВСК	137
ВАНУА-ЛЭВУ	139
СВЕРДЛОВСК	140
ТОРОНТО	144
СВЕРДЛОВСК	146
ВАНУА-ЛЭВУ	148
Солдат	149
ЛОНДОН	150
СВЕРДЛОВСК	151
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Дом, который построил Майк Хроники Кулуангвы

Михаил Уржаков

Редактор Евгений Зашихин

Дизайнер обложки Михаил Узиков

Иллюстратор Михаил Узиков

© Михаил Уржаков, 2018

© Михаил Узиков, дизайн обложки, 2018

© Михаил Узиков, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3941-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Михаил Уржаков, он же Майкл Стенли Гейтс, уже широко известен нашему читателю по многочисленным рассказам, повестям, а так же сценариям к фильмам «Люди», «Зелёное Небо Кулуангвы» и «Водоканал-3».

Закончил в 1990 году Свердловский Архитектурный Институт, но работать по профессии не стал.

С 1992 года работал для нескольких журналов специаль-

ным корреспондентом.

Работая долгое время Лондонским обозревателем журнала «Ридерс Дайджест», посетил многие страны мира.

Как художник организовал известное в мировых культурных кругах общество «Художники Против Салсы».

Владеет в совершенстве девятью иностранными языками, английским, французским, испанским, голландским, китайским (мандарин), хинди, суахили, мат и карандж.

Его проект «Кулуангва» переведен и издан в 17 странах мира.

Впервые книга «Дом, который построил Майк» в рамках проекта «Кулуангва» вышла в издательстве «Ультракультура» в 2005 году.

Это издание расширено и дополнено новыми фактами, полученными из надежных источников.

Настоящее местонахождение Михаила Уржакова неизвестно. По некоторым сведениям стал гражданином вселенной.

«A TERRIFIC READ, perhaps the best entry in the Michael's yet.»

(New York Daily News)

«INGENIOUS».

(– Washington Post Book World)

«Все действующие лица, места и высказывания в этой книге – подлинные. Некоторые события и мысли по необходимости сочинены автором. Ни одно из имен не изменено ради того, чтобы оградить невиновных, ибо Господь Бог хранит невиновных по долгу своей небесной службы.

Вы сказали своей жене все, что с ней должно случиться?»

Курт Воннегут

«Сирены Титана»

*«...каждый человек имеет право
на пятнадцать минут славы»*

Энди Ворхэл

ВАНУА-ЛЭВУ

вместо пролога

Папку, электронный файл с этой «информацией», я получила в свой почтовый ящик, на Yahoo, 11 сентября 2001 года. Правда, как человек не очень-то любезный к цифровой переписке и проверяющий почту раз в квартал, обнаружила все это только в октябре. Не помню даже в каких числах. Где-то в середине октября, может даже в конце. Не имеет большого значения сейчас.

Поиски же своего больного на голову супруга, пославшего этот лепет о своей никчемной жизни, я начала только в конце сентября.

Он должен был вернуться к середине месяца, к очередной выдаче его вэлфера. Вернуться от Вовки Усицина-Сан-Францисского, этого музыканта малахольного. Не приехал. Чек ушел обратно. Я осталась без денег и стала звонить Вовке в Сан-Франциско. Малахольный говорит, – «Не было его еще». Ну, я думаю, решил сладкий мой сахар на попутках добираться до другого берега. Урод. Сохранить копейку. Дала ему время еще до тридцатого. До второго чека. Они два раза в месяц приходят. Аванс-получка.

Нет его.

Звоню музыканту, где, спрашиваю? Отвечает – не было, и не звонил даже. Вот тут я немного волноваться начала. Если второй чек накроется, на что есть-пить будем. Хотя денег-то там на этом чеке, что котенок срыгнул, 832 доллара. После всех вычетов на макароны, картошку и яйца, на дешевку, типа «Нивеи», против морицин под глазами, – даже на пару бутылок дрянного бренди, и то не хватает.

Потом уж я дотуркала почти в «сети» проверить. И точно! Объявился мой писатель, Кастаньеда, Господи прости.

Даже и не думала, что все эти ночные часы, когда он уходил к себе в подвал и садился за компьютер под предлогом какой-то очередной бездарной работы, игнорировал мои вызывающие позы и кружевные нижние туалеты от китайских кооператоров, то сидел сломя голову и вел этот, так называемый дневник о самых интересных, как он сам думал, моментах его никчемной жизни.

Причем писал, как мне кажется, с надеждой всю эту ересь когда-нибудь опубликовать, так как написан этот дневник в стиле «незавершенного романа».

Что-то типа «Дома, который построил Джек». Помните, один персонаж или событие цепляет другое, а потом всё возвращается к началу, на круги своя.

*Вот дом, который построил Джек
А это пиеница,*

*Которая в темном чулане хранится,
В доме, который построил Джек
А это синица,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится,
В доме, который построил Джек
А это кот,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится,
В доме, который построил Джек*

Одним словом, не Бог весть, какая находка в литературе, но я подумала, а почему бы мне ни сделать памятник нерукотворный из всего того, что осталось от моего никудышиного хазбенга. Показать его записки «знающему» пиплу, «жалостному», но хваткому издателю, может и поедет этот поезд под горку.

Многие части его воспоминаний выглядят сумбурно, несвязно между собой, судя по всему, не хватило времени обуздать «нахлынувшее». Однако я попыталась каким-то образом связать эти несвязки своими знаниями событий и людей, о которых он пишет.

Проще говоря, после каждой несвязности, решила дописывать пару-тройку строк и ставить точки над всеми нотами ФА, добавлять пояснения курсивом, и ставить – «МГ» внизу происходящего запустства.

МГ – означает Мария Гейтс. Мария Гейтс – это я,

бывшая жена Михаила Уржакова, (он же Майкл Стэнли Гейтс).

Живу я сейчас далеко, (где? – не скажу). Так что всякие там спецслужбы всех стран мира и частные детективы вряд ли смогут устроить маленькую, в девять миллиметров, красивую дырку в моей красивой головке.

Так вот.

Начну, пожалуй?

*С того самого письма с приложением, который он за-
слал мне благодаря Rogers Canada прямо с борта Боинга 767,
American Airlines, рейс 11, Бостон – Лос-Анджелес, с помо-
щью лэптопа и мобилки Nokia 305.*

МГ.

БОСТОН

Холи тэстикэл фак, ну и воняет же в самолете. Никогда не мог бы подумать, что на American Airlines будет вонять так же, как когда-то воняло мочой и блевотиной, что на том спецрейсе, который доставил нас, 186 уральских парубков, в Комсомольск-на-Амуре в 1994 году в Войсковую часть 6705 Внутренних Войск МВД СССР. Человек сто призывников, стали танцевать, или попросту прыгать в ритм песенки Сашки Розенбаума «Гоп-Стоп, Мы Подошли Из-за Угла». И это во время набора высоты. Рябой татарин с круглым, как луна лицом и выбитыми передними зубами тупо наяживал три аккорда на расстроенной гитаре. Ту-154 ходил ходуном в такт соль минору и сопротивлялся взлету всем своим железным телом. Но всем было глубоко насрать на железяку, душа скручивалась и раскручивалась.

Старая стюардесса, изможденная ночными полетами с новым, рвущимся в бой, призывным поколением, пыталась что-то говорить про ремни безопасности, но тут же получила в табло (по репе, в морду, в хайло) и с расквашенным носом, и венозной юшкой убежала жаловаться командиру корабля тов. Рогожину В. Т.

Командир Рогожин В. Т. к нам не вышел, устал наверное не меньше бортпроводников.

Еще минут двадцать, пока еле живая сама собой Тушка

не вышла в заданный эшелон на десять тысяч, дискотека продолжалась до блева в жакет соседа и слива отстоявшейся в пузырях мочи прямо в салон отлетавшего, наверное, добрых 20 лет самолета. Все четыре отхожих места были заняты всерьез и надолго пацанами, активно очищающими свои молодые желудки, пугающими молодыми комсомольскими глотками унитаза с вакуумным всасыванием.

Тоскливый сигнал «пристегните ремни» потух на затертом табло. Призывники сидели, и тупо и тихо понуждали остатки недопитого спирта-водки-одеколона-шип-портвейна, чтобы успеть допить уносящиеся в далекие дальневосточные сугробы остатки равнодушной молодости. С белыми и натужными улыбками на вымученных лицах, некрасивые, как моя жизнь, стюардессы ходили между рядами, выжимали из «персональных» салфеток в синие полиэтиленовые ведра желтую, тугую мочу молодого пролетариата, скопившуюся в отстойниках и проходах работающего металлом средства передвижения по ночному воздуху.

Однако сценарий с танцами «гоп-стоп» под небом Соединенных Штатов Америки не повторился. Слава Отцу и Сыну и Святому духу Эмэрикэн Эрлайнс.

В Бостоне рейс задержали на 35 минут по техническим причинам. Пилоты при взлете посетовали на проблемы с электроникой. Бывает. Это тягосно-мучительное ожидание вылета измученные пассажиры забыли сразу после подачи

легкого недорогого спиртного.

Сидя в широком, затертом донельзя попами буржуев кресле рядом с обрюзгшим, тяжелым, как бургеркинг, америкосом, я подумал, что поскольку книг почитать я не захватил, а капиталистические газеты «Бостон-тудэй» и «Нью-Йорк Таймс» перечитал еще при ожидании посадки, дай-ка, думаю, хоть пару страниц напишу в свой дневник. «Дэлл» у меня дрянненький, работает только как печатная машинка, но хоть эти четыре с половиной часа полета не зря пройдут.

Да, Маруся, это будет моя первая запись в дневнике или, скажем, продолжение, с июля 2000 года.

А то ведь молчание моего барана затянулось больше чем на год. Правда если не считать всего того бреда, что я накалякал в Психушке-Институте Монро в Огайо, куда ты меня, милая, затолкала на целых две недели.

На Вэст Кост меня черт понес к Владимиру Усицыну. Моя Машка зовет его малахольным и, наверное, права. Есть в нем что-то не от мира сего.

Вовка предложил мне сверхъестественную чучу замутить. Все, говорит, у меня уже проверено и опробовано. Нужен компаньон, которому можно доверять. Рассказывать, что там такое он задумал, не стал. Приедешь – увидишь. Вот еду, увидеть. При моей-то финансовой дыре любая работа, даже глубокая чуча, в жилу будет. Да и прошвырнуться на халяву для очистки совести и проветривания вялотеку-

щей шизофринии, как определили врачи, даже нужно. Усицын мой перелет оплачивает в один конец. На обратный, говорит, за день сам заработаешь.

Сначала хотел лететь из Буффало, оттуда билет совсем недорого стоит до Фриско, около 350 американских. Это всего в пол-стоимости билета, что мне переслали от Вована Вестерн-Юнионом. Так что «легкага, недарагага, капиталистическага» портвейна точно можно на спасенные остатки выкушать.

Однако смурной канадский фермер Бэн, так, кажется, его звали,

ЦИТАТА

«Алло Бэн! Это Данила! Ай нид хэлп!»

Брат-2

его я захичхайкил на бензоколонке 401-го хайвэя до Буффало, всю дорогу достававший меня ленивым рассказом о проблемах яблоководства в Онтарио, узнав, что я лечу во Фриско, сказал, что добросит меня до Бостона, ему по пути, а там билеты на самолет еще дешевле будут, my young pal!

И присел я, как сказал бы писатель Сорокин, на «холодную плиту эксперимента» долгого разговора с неизвестным капиталистическим колхозником. Хорошо хоть, что в багажнике канадского кулака-фермера было два ящика Лаб-

бат-блю, вкусного пива, а это серьезное подспорье к дополнительным тремстам долгим километрам пути.

До Бостона мы с ним не доехали совсем немного. Мой колхозный друг под парами пива стал активно засыпать за рулем после 7 часов езды. Я заставил его свернуть на ближайшую заправочную станцию и пойти умыться холодной, проточной из крана водицей.

Однако Бэн, остановившись, просто откинулся на сиденье и уставшее от рабочей тоски тело его, моментально достигая соматхи, ушло в астрал. Надолго. Я тоже было, решил прикорнуть рядом до утра, однако Бэн активно и громко помогился под себя, и кабину ЖиЭмСи Джимми под самый потолок наполнило здоровое, крепкое амбре мужицкой мочи.

На Сан-Франциско рейсов в обозримом будущем не было. Спать хотелось жутко. Так что взял я билет с невероятной скидкой в бизнес-класс на ближайший самолет до Лос-Анджелеса в один конец за 337 баксов.

В самолете и выплусь в бизнес-классе. Когда еще придется полетать как «нормальный».

Толстяк рядом в кресле номером 2Е оказался вполне интересным типом. Даже, видя, что я что-то тарабаню, по клавишам на тарабарском для него языке, ловко встрял в мою действительность, попросил передать ему подушку под зад со свободного кресла. Самолет летел полупустой. Могуче-

му заду, для того чтобы прочувствовать свое удобство все это время, дополнительного комфорта в виде подушечек-думочек хватит вполне. Даже в широкожопом бизнес-классе. Сразу стал много и нудно рассказывать о себе. Он, Машка, оказывается бывший пилот, военный летчик ВВС США, воевал во Вьетнаме, только недавно ушел на пенсию после 15 лет работы авиадиспетчером в Бостонском аэропорту. Этот полет для него бесплатный, как ежегодный бонус компании для служащих. Летает он так ежегодно по одному и тому же скучному маршруту Бостон – Лос-Анджелес к своей дочери. Не виделся с ней, родной, целый год. Она на сносях, два внука еще мал мала меньше, но уже балуются марихуаной, муж – сволочь безработная на шее сидит, и бла-бла-бла, и ой-ой-ой, уай ми?

Т-а-а-а-кая тоска!

Демонстративно нацепив на свою больную, с красными глазами голову наушники, я подключился к внутреннему джазовому каналу Боинга и уткнулся в монитор.

Жирный снисходительно улыбнулся, (что с этим русским разговаривать), и тоже подключился к какому-то суперсовременному Волкмэну, и тут же стал еденько подхихикивать.

Его голубые светлые глаза, совсем как с картины Врубеля (название забыл, кажется – «Водяной»), наполнились веселой слезой.

Поймав мой удивленный взгляд, он сразу же принял это,

как продолжение разговора. Говорит, что не может встретить утро в хорошем настроении, если не послушает болтовню Ховарда Стерна, и этот, последней модели «Сони Волкмэн», помогает ему ловить его даже на станциях подземки. А он, Стерн, как раз выходит в эфир со своей Пятой Авеню в Нью-Йорке с шести до девяти утра.

Смотрю, еще час слушать можно. Время-то десять минут девятого.

Я ему говорю, – «А я то с Ховардом даже поругался однажды в прямом эфире».

Он говорит, – «Во как»! Ну, и так далее. Полетел разговорчик по накатанной дорожке.

Взяли мы по маленькой, (50 грамулечек на рыло), бутылочке Курвазье и немного потрендели. Я-ему-он-мне—про Вьетнам, за жизнь, за армию, за тачки, за баб. Пытались общих знакомых найти. Но он помнит только что-то о Стиве Мэне. Но – как легенде. Рэйгана не знал. О Тиме, вьетнамце моем, конечно же, совсем и слыхом не слыхивал.

Короче, думаю, зря время уходит.

Да и устал я, Маруся, с этим фермером Бэном-ай-нидхэлп. Беседовал целых пять часов, пока до Бостона докатили, а сейчас, чтобы еще летчиков-штурмовой-авиации-пенсионеров развлекать, совсем мазы нет.

Ночь, между прочим, не спал.

В общем, бай-бай!, друг мой не тонкий, дай мне отдохнуть. Возлежать в кресле чуток.

Сделал это я толково. Смотрю в окошечке снаружи ляпота, небо утреннее, свежее, безоблачное как кошечка царапнула белыми коготками, три истребителя совсем невдалеке виражи делают. Я толстяку, смотри мол, твои братья-военные, нас эскортируют, чтобы мы в спокойствии и здравии долетели. Так что, давай-ка мы, щеки свои натруженные алкагелем, придавим на время, летчик-налетчик.

Толстяк говорит, это Ф-16, наверное на учениях. Смотри, два из них отвалились, а третий, вроде как в наш эшелон идет. Нет, вверх уходит. Да? Да!

Ну, да и Бог с ним. Вздремнем. Коньяк в голову ударил. Спать.

Опять милый бородатый друг Сай Баба приснился мне. И опять я с ним летал как муха-цэца, Машка. Только сейчас он мне кричал, что я молодец, купил таки свой заветный билет на самолет.

машка!

слушай сюда!

тренирую свои флэйминг фингрс как синхронизатор
говорю и пишу одновременнотоесть

пишу в настоящем времени толстяк не дал мне поспать

чуть только я закемарил минут пять не больше толкает
меня и сует мне наушники волкмановские, как будь-то у меня
своих нет

я ему дапошел ты со своим уродом этим стерном он —
нет нет

слушай

яслушаю

какие-то помехи в эфире, потом голос такой

ну какбы металлический чтоливоеенный

МОНОТОННЫЙ такой, типатого что

alpha alpha

american flight eleven

this is US Air Force commander F-16 00659

do you copy

do you copy

alpha alpha

this is US Air Force commander F-16 00659

you are now under US military authority

divert zero-two-zero

proceed to kennedy international airport base

respond

over

american flight eleven

divert zero-two-zero

proceed to kennedy international airport base

immediately

do you copy

ну ты врубаешься машка

альфа альфа какая-то

командир эф 16го

рейс эмэрикэн 11

это мы

давай типа поворачивай в кэнэди

интэрнэшнл аэропорт

прямо ага щас

вы под командой военных

слушай сюда и делай чо сказали

у толстякато моего волкмэн его

суперный на волну военных песен

случайно вышел

я ему говорю

это нам что-ли

он да

я говорю лажа все это

он – посмотрим, летим пока

я говорю

а где шестнадцатый то

он

да над нами висит с той же скоростью
чтобы локаторы не засекли, чувствуешь как нас потрясы-
вает

турбулентит от него
кого-то наверное из самолета захомутать хотят
серьезного
у нас это уже было в бостоне
один раз сэнтлюисский рейс к нам
завернули по техпричинам
а потом арабченка из него выудили
тоже с эскортом шел
так мы диспетчеры этот ястребок только перед
аэропортом засекли
когда он отвалился от аэробуса перед самой
посадочной

летим дальше
машка
судя по всему я влип в интересную фишку
ой расскажу
ага!

командир наш объявляет
по техническим причинам (ага!)
садимся в ньюйорке
компания извиняется и все такое
сразу резкий крен влево

у меня аж компьютер сполз со столика
едва подхватил
вот это да
летим дальше
стюардески стали
прохладительное разносить
успокаивать некоторых идиотов
дескать лучше уж в кенэди
сесть чем не сесть совсем
мы с жирным по рюмахе еще задвинули
смотрим друг на друга как заговорщики
все понимаем
вдруг турбулентность исчезла
мы с летчиком моим бывшим налетчиком
бэйби-килером перемигнулись
это шестнадцатый отвалился от нас
ушел
рюмки мы сдвинули еще разочек
ага!
вот уже и пригороды ньюика внизу
какая же погода классная сегодня
все сидят вокруг обсуждают полет да че да
интересно нас в город повезут пока
новый рейс готовить будут
или в аэропорту в гостиницу определяют
я бы вздремнул пару часиков

глаза слипаются машка
а досмотреть хочется
ага
слушай
что нет тут
летчики
наверное командир
с его помощником куда то пробежали
мимо нас в хвост
какобосрались будто
слушай
мы на этот Лонг Айленд прямо
с Манхэттена заходим
а
вон центральный парк
где меня черный
ухайдакал по голове
в прошлом году
за мою фотокамеру
самолет как-то странно идет
как будто его на веревке тащат
крылья туда сюда туда сюда
как в том фильме в бой идут одни старики
третий мудрилка в погонах вышел к нам
самолет что то вам садить будет
автопилот что ли

нет обратно в кабину пошли
вотзавернуло то нас, почти в обратную сторону
жирныйсейчас сблюет
аможет это просто неизрасходованная слюна
ладно маня, пока! потомвсераскажу
чтоинтересноебудет
вроде роджерс хорошонасвязистоит
засылаютетебе все
там еще фаел с эттачментом будет
моих дневников
пока

File.

Documents.

Attachment.

Enter.

Sent.

Your mail has been delivered succesfully.

ЦИТАТА (к месту)

Погода прекрасна

Задание выполнено успешно

Все улыбаются

BBC

BBC

БУМ!

MG.

ПРОЛОГ

*...после крушения авиалайнера Боинг – 747,
рейса №123 авиакомпании JAL 12 августа 1985 года
в пригороде Токио, и столкновения в воздухе джетов
KLM и PAN AMERICAN*

*27 марта 1977 в Тэнэрифе, унесшего сотни и сотни
жизней..., эта*

*катастрофа в Сиднее по числу человеческих
жертв, а их по предварительным данным около
750 человек, и по принесенным разрушениям,
оценивается Международным Центром*

*Исследования Воздушных Коллизий в Нью-Йорке как
трагедия, которая, пожалуй, заставит содрогнуться
весь цивилизованный мир.*

USA TODAY

July 3, 2000

*Поразительная для этого времени года жара,
достигающая 37—40 градусов Цельсия
и сухой континентальный ветер
значительно усугубляют ситуацию.*

*Спасательные команды не могут добраться
до очагов пожара и спасти людей, пытающихся
прорваться сквозь огонь и удушающий дым...*

...по последним поступившим данным...

по крайней мере

*12 авиалайнеров, 8 из которых,
интерконтинентальные Боинг 747 и Аэробус 330,
стоявшие под посадкой пассажиров и заправкой,
оказались на месте падения чартера*

авиакомпании CANADA-3000, рейс 46А,

*...на борту которого находилась практически вся
Олимпийская сборная Канады по пляжному волейболу.*

REUTERS

July 4, 2000

ПАРИЖ

Если у вас не в порядке семейная жизнь, а карьера и здоровье оставляют желать лучшего, если просто не везет и осточертело надувать воздушные шарик собственной отрывкой для всего этого пипла вокруг, отбросьте все сомнения и смените имя. Так советует издательство Парижского «Фигаро» в лице жирного и довольного своей собственной жизнью и именем, собственного корреспондента по чрезвычайным обстоятельствам Пьера Люкэ.

Пьер – удивительной судьбы человек, о таких обычно говорят – толстячек, а приятно, первым ввел в обиход, (имея необыкновенно большую, волосатую грудь), мужские бюстгалтеры. Волосы у Пьера белые, коротко пострижены бобриком, белые же ресницы. Ими он часто моргает. Это так трогательно. На самом деле страдает хореей.

Очень похож на поросенка Мишку, который рос у моей бабушки и дедки в деревне Шигили, Башкирия, Земля, Солнечная Система, и который был благополучно съеден так же как и все другие поросята Степашки, Глашки, Хрюшки, Гришки и Мойши.

Пьер почерпнул идею о смене имени в время командировки в Пекин и встречи с 65-летним Дзин Таочунь, прямым потомком маньчжурского императора, который уже 6 лет по-

могает в этой смене имен, как физическим, так и юридическим лицам.

Судя по внушительной очереди около кабинета, его собственные дела идут неплохо. С граждан берут 8 долларов, с коммерческих предприятий – 24. В день за чудом приходят 30—40 клиентов. Поиск подходящего имени происходит с учетом даты, времени и места рождения. Менять документы совершенно не обязательно, можно даже не сообщать новое имя родственникам. Чтобы нейтрализовать дурное влияние и привлечь удачу, достаточно выгравировать новое имя на кольце или часах и все время носить с собой. Гравировку можно сделать прямо на месте за небольшую доплату.

Жан Пьер Люкэ выгравировал на своей золотой печатке его новое неофициальное имя, данное ему потомком императора, товарищем Дзин Таочунь. Имя простое и незамысловатое – Дзо-Дзо.

Сразу мне вспоминается великолепная хоку моего дружка Петра Малкова, которую тот вслух подарил любимому вождю и учителю, товарищу Ким Ир Сёну при нашей с ним торжественной встрече в Пхеньяне в августе 1987 года.

Вот она:

Хоку (или Хайка)

Всех аистов в округе

Уничтожил самурай Дзо

А живот у дочки все растет

С Пьером я и познакомился в Париже, в «Элеваторе» на выступлении французской панк-рок группы «Махно». Группа носит название в честь великого террориста и партизана всех времен и народов батьки Нестора.

Перстень, что на жирненьком пальчике Пьера в свое время находился на пальце его дедушки, махавшего своей шашкой над головами красных комиссаров. Дедушку то как раз и звали Нестор Иванович Махно.

Отца Пьера, шестилетнего незаконнорожденного пацана Степана Махно, правда, под фамилией Иванопуло, (совсем как из Ильфа и Петрова) по конспиративным обстоятельствам, тайком вывезли после бесславной гибели батяни сначала в Литву, а потом уж во Францию. По собственной, между прочим, просьбе бывшего кумира Владимира Ильича Ленина товарища Плеханова Георгия Валентиновича.

У Пьера же Степановича сохранились письма из личной переписки Георгия и Нестора, которые я читал собственными советскими (тогда еще) глазами. Ох, и крыл же в них Валентиныч Ильича. Мало не покажется всем бывшим преподавателям Истории КПСС в Свердловском Архитектурном Институте.

Письмо мне Пьер, конечно, не отдал, но мне удалось стирить эту бумазею на пару минут, в то время когда хозяин высиживал в сортире каменный цветок, и быстренько пропустить листок пожелтевшей бумаги через его факс-машину «Кэнон-204», делая памятную копию.

Вот выдержки из этого письма, копия которого хранится у меня в заглавнике со всеми другими сладкими реликвиями.

ПИСЬМО (Плеханова Георгия Валентиновича к Махно, который везде, даже в Африке, будет Махно)

...Нестор, я слышал, что весна на Украине в этом году затяжная была и с провиантом у твоих хлопцев совсем плохо. Народец-то местный сам не знает как из-под голода выбраться. Слышал, что большевики вас совсем решили одолеть и прохода никакого нет и перспективы, судя по всему, грустные будут.

...мне все больше кажется, что уходить тебе надо с людьми, или хотя бы самому, в Румынию, а там уж ко мне как сможешь...

...чем смогу помогу.

На милость красногвардейцев не рассчитывай, даже если и посулят амнистию. Не помню, писал ли тебе, но в свое время был у меня со своими мыслями Ульянов. Так вот скажу тебе, брат, что гнуснее и страшнее человечики я еще не встречал. Просто какая-то шагающая гильотина. Никаких компромиссов и мирных ходов предпринимать не будет он. Жесток страшно – таких еще поискать. Не верь его посулам.

Я слышал, как это и не смешно, что у него, Ульянова, кличка в гимназии была – «вонючка». Не знаю – может он уже тогда разлагаться стал.

...Степана во что бы то ни стало, переправь ко мне. Славный пацан. У меня остались еще старые связи

*в Балтийских странах, я дам тебе знать о них.
Обнимаю, береги себя и хлопца.*

П.В.

ЦИТАТА (к месту)

Владимир Ильич Ленин неоднократно посещал столицу солнечной Башкирии город-герой Уфу по дороге в ссылку, в село Шушенское, Сибирь, Россия, Солнечная Система.

Ю. А. Узиков

А в домике Ильича в Уфе я давал пионерскую присягу.

Кстати, Ленин умер, а дело его живет.

Такие дела.

Кстати, Махно тоже умер. Умер в этом самом Париже и похоронен на кладбище Пер-Лашез неподалеку от Джимми Мориссона, а дело его живет.

Такие дела.

Кстати дело Мориссона тоже живет в сердцах и «стучится в «двери травы».

Кстати, это Махно изобрел всем известную тачанку, кото-

рую так активно потом использовал в пустоте Чапаев Василий Иванович.

И до сих пор не понятно, зачем Сальвадору Дали был нужен Петька.

ВАНУА-ЛЭВУ

Думаю, что все это соответствует действительности. С Максом я тоже встречалась в Париже, в 1994-м, во время краткосрочной поездки в Нант, к нашему хорошему другу Вовчику Пастухову. Страшный урод этот Макс. Строит из себя суперзвезду, а когда я его зажала в коридоре, (сказались пары коньяка), чтобы познать, как хоть французы целуются, только опускал всю меня слюнями и несмело и слабо пожал левой рукой правую мою ягодицу. У меня даже в этом месте и зоны то нет. Липкий подонок.

Мой то Мишель тем временем пьян-пьянешенок валялся на софе в наушниках и наслушивал его группу «Махно». Ничего Украинско-национального в этой музыке, если ее даже можно так назвать, нет. Ни там «... с нашим атаманом не приходится тузишит...» нет. Панк и панк себе. Ну-дятина.

Тем более что все по храницки пелось.

Непонятно. Бла-бла-хр-хр-хр.

МГ.

Панк-рок командой «Махно» руководит Максим Апостолло, коренной парижанин, 1965 года рождения, холост, волос имеет черный и длины до плеч, голос высокий, я бы

даже сказал – дискант, одевается как бомж, но в чистое, короче – хороший парень, хотя и смертник. Врачи говорят, что у него в голове его панковской сидит тромб, который нельзя никак из головы изъять, и когда придет время, а это никто не знает, то этот тромб затромбит своим существованием какой-то важный сосуд и смерть Макса наступит моментально. Макс, дурандас упертый, мучиться не будет.

Такие дела.

Макс живет в знаменитом сквороте – «Холодильнике», возле страшных зданий Национальной библиотеки, одного из шести великих и, в большинстве своем, не очень удачных «проектов президента Франсуа Миттерана». Живет прямо по соседству с Женькой Еловой, бывшей женой Олега Елового, художника-минималиста из Екатеринбурга. С Олегом мы не раз давали «сильную», когда я опять «навсегда возвращался в Россию» в его доме, одноэтажном дворянском гнезде, около высотки бывшего Облисполкома, а ныне губернаторских пенатов.

А один раз мы с ним, после очень сильной (выпивки), (совсем сильной) лупанули в Губернаторский дом из подствольного гранатомета, который мне необходимо было довести в Москву до Борз-Али Исмаилова, чеченского князя с израильским паспортом, чтобы заработать, таким образом, денег на обратную, в город-герой Амстердам, дорогу.

Ну, это уже совсем другая история.

А пока – Макс.

ВАНУА-ЛЭВУ

Да, так все и было, не врет муженек то мой покойный.

Борз Али Исмаилов тоже существует (и благополучно на нефтяные и арабские деньги) в Париже, и плюс ко всему собирает подаяния на беженцев из Чечни от любвеобильных голландцев в свой, что-то типа «Комитет помощи независимой Чечне» в Амстердаме. Хороший парень, но ничего с ним не поделаешь – по другую сторону баррикад.

Борька совсем не похож на чечена черножопого. Невысокий коротышка, плотный такой, блондин. Лицом светел. Правда, глаза темные. Исподлобья смотрит всегда. Говорит мягко, но веско.

Например, однажды он мне сказал в Амстердамском Русском Клубе «Дриспан», – «Война в Чечне закончится тогда, когда в Чечне закончится нефть». Веско так сказал, а глазами так всю меня раздевает, раздевает, а руки то его вот уже где, в скважину мою нефтяную тянутся своим нефтепроводным шлангом. А тут наши войска как стукнут его по руке, по чеченской. Это Олежка Томбовцев, герой-любовник из Астрахани на него в пике зашел. А сидели мы в Русском клубе. Ну, драка завязалась, конечно. «Зарэжу!», все дела.

Наши русские победили в этой зачистке за меня.

Приятно!

Борька с Ритиком Фирюбиной и открыли этот первый Русский клуб в Амстердаме на Нэс 33, прямо около Дама. Уже потом ясно стало, что он деньги свои бандитские в этом клубе отмывал, да потом оружие для своих братьев по борьбе покупал.

Вот только деньгами и именем на чечена и похож.

Кстати, как я потом узнала, это он помог красавцу Джохару Дудаеву перебраться в Европу живому и здоровехонькому. И тот сейчас преспокойно живет в Брюсселе. А наши то идиоты, то есть русские, его похоронили триста раз. Борю то (Борз Али, то бишь) там с ним и видели. А Дудика-то, между прочим, видели там не только с Борей, но и еще вместе с Артемкой Боровиком. Европа небольшая, все русскоговорящие знают друг друга в лицо.

Совок совка, как говорится, видит издалека.

Зачем Борьке нужен был гранатомет? – Непонятно. Может грохнуть какого-нибудь очередного президента собирався или самолет с Артемкой на землю посадить при взлете.

Не моего ума дело. Хорошо хоть мой дельфин тряпачный не продал эту «Муху» князю, а сам революцию районного масштаба решил сотворить. Сохранил статус кво в выс-

ших кругах государственного аппарата.

Борис Николаевич, спасибо скажи.

МГ.

Так вот. У Макса ничего нет, кроме гитары Фэндер-джаз-бас и голубого Рено-160, 1992 года рождения.

Я в первое свое знакомство с Максом, тогда они с Жа-клин меня встречали на Северном вокзале Парижа, в шутку обозвал его тачку «папелатом». В первый раз человека вообще увидел, а он оказался таким настырным, грит, а чо это означает? Ну, я грю, да это из фильма одного постсоветского прикольного очень, про инопланетян, с философской подоплекой о цветовой дифференциации штанов. И вдруг Макс на эту цветовую дифференциацию повелся. Говорит мэне, хоч-чу-немогу, видеть хочу, слюшай. Я думал, шутит. Нет на сле-дующий день вместо Лувра повез меня в какой-то русский магаз по продаже паленой видео продукции, ну давай, грит, показывай, где этот фильм – хочу!

Ну, взял я эту Киндза-Дзу, сидел два часа переводил им, как идиот, но фильм произвел на французигов неопишное впечатление, особенно в моменте, где со спичками наших обули. Если уж быстро закруглиться на этой теме, то ска-жу, что Макс после нашего знакомства потратил своих кров-ных 478 франков на номер машины, с индивидуальным вы-сказыванием. Назвал он свой номер на машину, лайсэнс пл-

эйт – PAPELATS. И еще наехал на Пьера, и тот нашел деньги на то, чтобы это муви перевести с русского на французский. Так что все французы, кто сейчас в Париже и около, смотрит Киндза-дзу и понимает – скажите за это мерси Максу.

Максовский папелатц, водит не сам Макс, а Жаклин, его подружка, длинноногая красавица-панкушка (так вот рождаются стихи).

Все это для?

Чтобы случайно Макс не дал дуба во время вождения авто и не принес значительные разрушения городу Парижу. Жаклин горда тем, что пилится с человеком, который скоро и внезапно умрет. Иногда она даже мечтает, чтобы Макс умер во время их занятий любовью. Чтобы прикатила Скорая помощь со всеми фанфарами и высвободила некрасивый белый, мертвый член Макса из красивого тела французской девушки. Потом об этом напишет в «Фигаро» Жан Пьер Люкэ, в отделе чрезвычайных историй.

О, это будет настоящий панк (или джаз). Будет о чем рассказать подружкам по школе. Жаклин совсем еще Лолитка, несовершеннолетняя хорошая девчушка. Хорошо сложена для подросткового возраста. Тонкая талия, узкие бедра, добрые, навывате, как у многих француженок, глаза, непонятные никому губы. Но самое главное, даже Макс не знает, что соблазнение малолеток – это от 5 до 10 «строгого», согласно статье 987 УПК Французской Республики.

Всю эту историю о Максе Жаклин поведала Сереге Пузанову, когда возила того на этом самом голубом Рено по Парижским улицам, помогала ему мотаться по различным светским приемам и получала за это пятьдесят два франка в час. А Серега тем временем зарабатывал деньги, фотографируя всяких подвыпивших сэлебрэтиз типа Жерара Депардье, Дианы Спенсер, Жана Поль Готье, Вики Цыгановой, меня и тп. тп. тп.

Свои первые деньги за фотографии знаменитостей он получил достаточно случайно. Купил как-то на блошином рынке в Камдентауне старую, раздолбанную Лейку и ходил с ней потом фотографировать Лондонские подворотни. В одной из них, в Челси, уютно разместилось небольшое кафе под названием «Фокс энд Фиркин». Был жаркий летний день, люди сидели под зонтиками и ленивыми движениями уставших от жары рук поднимали и опускали стаканы с пивом. За крайним столиком сидела красивая женщина, блондинка в коротком светлом платье и темных очках. Какой-то мачо загружал ей мозги. Женщина невнимательно слушала, слабо улыбалась самой себе и посасывала сок из трубочки.

Серега сделал пару снимков и ушел. Через пару дней проявил пленку, сделал фотографии и, внимательно приглядевшись, понял, что тетка эта – не кто иная, а Шерон Стоун с каким-то ее продюсером. Он видел еще вчера репортаж в «Сан», что та приехала на съемки эпизода фильма The

Doorway.

Но самое главное, что зафиксировала старая добрая Лейка – не сама Шерон, а рытвенные следы целлюлита на одной ее ляжке. Лево́й, кажется.

Серега пошел в ближайшее за углом местное отделение «Нэшнл Энкваерэр» и сальные люди за три тысячи фунтов оторвали негативы вместе с руками начинающего фотографа.

Три тысячи фунтов – это не мелочь по карманам тырить. Парень накопил всяких длинных объективов, фильтров и другой чешуенции и начал охотиться за известностями. Самым любимым объектом его преследований стала Принцесса Ди. Именно за ней он и прилетел в Париж, не отходя ни на шаг, и именно в этом ему помогала Жаклин на голубом Рено.

ВАНУА-ЛЭВУ

Жан Пьер Люкэ, как Мишка уже сказал – первый человек, который ввел мужские бюстгалтеры, первым мужчиной в мире скончался от рака груди в декабре 2001 года. Я с ним встречалась в Париже, немного раньше, в ноябре с этими Мишкиными записками, с целью продвинуть их в издательство «Фигаро», когда Пьера уже приковали к больничной койке в онкологическом госпитале «Сэнт Мария Дэ Буа». Пьер попросил меня записки оставить, позвонил мне через три дня, сказал усталым голосом, что материал интересен и дал номер телефона одного дядьки, кто поможет его продвинуть.

Продвинутого дядьку звали Тьери Мисан.

Я встретила с ним через три дня в кафе «Ле Опера». К моему великому удивлению вся ересь моего бывшего мужа-объевишегося-грушами уже была отредактирована, переведена на французский и аккуратно разбита по параграфам. Тьери долго гладил страницы переведенного текста и сказал одну занятную фразу, которая периодически всплывает в моей голове: «Кто бы мог подумать, что для того чтобы добраться до этого черного мяча они подняли всю „королевскую рать“, взорвали башины, изнасиловали финансовые рынки и начали две войны!» Фраза полного сумасшедшего – какая рать, за какой такой черный мяч?!

Тьерри, немного похожий на ворона, с мягкими слезоточивыми глазами и близорукими губами, легко коснувшись моего острого обнаженного колена, (что же они все так на мое колено западают, как намазано!) сказал, что два издательства заинтересовались в материале и готовы издать Мишкины каракули ограниченным тиражом, но не в Европе, а в Эмиратах. Гонорар обговорим позже. Я подписала какую-то бумагею и вечерним рейсом умотала обратно в Торонто. Мне гонорар и на фиг не нужен был при моих добрых тогда отношениях с финансовым департаментом Международного Красного Креста и Правительством Соединенных Штатов.

В ноябре умер Пьер. Больной пошел сначала на поправку, но не дошел. В феврале 2002 вышла книжка под названием «Последний полет» в издательстве «Аль-Кахун» в ОАЭ тиражом в 10 тысяч экземпляров. Очень незаметно. До тех пор, пока в марте не появилась документальная книга Тьерри Мисана «Великий обман», где он, ссылаясь в частности на мыло моего Майкла с Боинга 767, рейса 11, заявил, что одиннадцатого сентября это вовсе не теракт, а спланированная правительством США акция.

Я в эти мелочи не влезаю, своих головных болей хватает, и хватает вот по это самое место. Смотрите. Вот здесь! Да вы выше смотрите, а не туда куда всегда!

И тут понеслось, звонки, репортеры у дверей, странные машины по пятам моей Вольво-80.

А в апреле начались дожди с угрозами, неизвестные сограждане мне порекомендовали навсегда, и лучшие в неизвестном направлении покинуть американский континент за невозможностью предоставить достаточные гарантии безопасности моим детям.

Собрала я поздней ночью кошелек с денежкой и, — огородами, через соседский участок на параллельную улицу Эджклифф к вызванной по интернету тачке. Егорка кошелеки несет, я Стешу в охапке. И ну! — в Пирсон Интернэшнл Эрпорт. А там первым попавшимся рейсом в Ванкувер, затем в Токио, оттуда в Сидней. Там отсиделась в пентхаусе Дельта-Отель на 47 Кинг-Стрит Вэст пару дней. Правда не могла отказать себе в удовольствии посидеть под парусом Оперы и выпить бутылку портвейна, пока Стеша гонялась за Егором по ступенькам вверх-вниз.

И вот я и здесь, на Фиджи. И хрен вам с маслом вы меня найдете, друзья в черных очках «Рэйбан».

Такие дела.

Олег Еловой, кстати, истек кровью из носа в Ницце, во Франции, Земля, Солнечная Система в апреле 2001 года, за день до открытия своей персональной выставки. Олег упал в приступе эпилепсии лицом на заплеванный пол студии, а в мастерской в это время, как на беду, никого не было. Не было того, кто—бы помог вытащить его вялый язык

из рта и остановить кровь из разбитого носа.

За день до этого, и в ночь тоже, Олег сильно квасил с другом Володькой Пирожковым.

Пирог работает сейчас в дизайн студии «ИД-2» во Франции, в городе Нице на автомобильном предприятии «Toyota» каким-то чуть ли не главным дизайнером салонов этих автомобилей. С Мишкой и Олегом он учился в одном и том же идиотском Архе в Свердловске.

Это я уж так, без пояснений, добавляю. Совсем недавно это с Еловым стряслось.

Такие дела.

МГ.

ТОРОНТО

Внемля настоятельному совету Пьера, я пошел дорогой потомков маньчжурского императора. И?

Сейчас меня зовут Майкл Стэнли Гейтс. Коротко – Майк. Это стало официально с августа 1998 года, согласно бумагам Министерства каких-то там дел на улице Бэй, Торонто, Канада, Земля, Солнечная Система.

Правда, все эти имена я выбрал себе сам без помощи наших китайских товарищей

Мое настоящее имя до 1998 года было русское, простое и красивое – Михаил Уржаков. Однако простые и красивые вещи редко приносят то, что вечно приходится ловить за хвост, и, после тридцати семи бесцельно и бездарно прожитых лет, родившееся уже давно желание изменить эту жизнь к цельному и дарному, хотя бы посредством уничтожения прошлого имени, было осуществлено без содроганий совести 24 августа 1998 года в вышеупомянутом Торонто.

Имя содержит в себе три кита, способные нести на своих спинах удачу даже такому «идиоттос» как я.

Майкл – Михаил, – самое уважаемое, по обзору журнала «Time» (июнь 1998) имя, за последние 12 лет бездарного существования планеты Земля, Солнечная система. Здесь мне, как видите, повезло, родители мои дорогие-любимые не опростоволосились с первым китом.

Не знаю почему, но мне показалось, что имя Стенли содержит в себе мощный заряд артистической, художественной энергии – то, чего у меня, впрочем, в избытке, и то, что порядком мешает мне жить. Но с этим нужно мириться и от этого никуда не денешься.

Гейтс – олицетворяет собой науку и деньги.

Билл великодушно разрешил мне пользоваться его именем в качестве талисмана в ноябре 1997 года. Это произошло во время нашей случайной встречи в Акапулько, Мексика, когда я помог вытолкать из грязи его машину, античный шестнадцати цилиндровый Понтиак 1952 года выпуска, в пяти милях от его «загородной дачи», под проливным дождем и ураганным ветром внезапно налетевшего на континент, разрушительного «Эл Нино». Я неловко вывихнул себе ногу этим выталкиванием. Все мои каникулы полетели бы насмарку, если бы не гостеприимство жены Гейтса Мелинды, которая в противовес Буке-Биллу пригласила меня пожить у них на «даче».

Три дня и две ночи я провел в их доме, правда, уж если совсем не врать, то только обслуживаемый толстой мексиканкой Марией. Сама же чета в тот же вечер свинтила в Рио, догуливать отпуск без детей, туда, где все поголовно в белых штанах и где «ураган» – давно забытое слово, которого нет даже в энциклопедии.

Поэтому имя «Гейтс» осталось только единственным воз-

награждением за вывихнутую ногу.

Дачу Гейтс купил себе еще в момент, когда Майкрософт только разворачивался в марше. Она совсем небольшая – пять спален, большой холл, по стилю очень напоминает архитектуру острова Бали. Много всяких подушечек-хоюшечек, вазочек, фруктов в этих вазочках, (которые Мария заменяет ежедневно раза по три), живых и сухих цветов, и прочей дребедени. Этот домик в 2000 году Билл продаст Ирке Шелленберг, которая после гибели Степашки (Штефана) Шелленберга в авиакатастрофе Конкорда, получит около пяти с половиной лимонов марок страховки и компенсации от Эр Фрэнс.

Такие дела.

Мелинда у Билла Гейтса хорошенькая такая, невысокая, крепкая, с небольшой грудью, с выпуклыми, как у бычка, добрыми глазами, которая по слухам хотела развестись с Биллом, потому что у него майкро и софт. Гы-гы-гы-гыыы!

Это дубовая шутка, баян с бородой Ховарда Стерна из 107.9 FM Rock. Да и сам Ховард порядочная сволочь. С ним я пытался в «телефонном» эфире завести беседу о Таньке Дьяченко, о наших с ней похождениях в студенческие годы в Свердловске, но он просто фак ми офф в прямом эфире и сказал, что бы я убирался в свою факаную Россию и не отравлял воздух в Нью-Йорке, факаная эмигрантская

сволочь. (Я тогда в Нью-Йорке был то на пару дней со своей выставкой).

Я обиделся.

Хотя, возможно, он и прав.

Потому что похожую фразу я уже слышал в Лондоне от другого известного человека из сферы дешевых журналистских услуг.

Кстати, вернемся к Гейтсу, любопытная деталь. Двумя годами позже, (как все-таки меняются люди), Билл попал в дурацкую ситуацию, когда возвращался с другой своей дачи под Ванкувером в Сиэтл, США, Солнечная Система. У него хрюкнулась правая задняя шина, запаски, как назло, не было, у мобилы сели батареи.

Он, высокий, лысый, худой как жердь, стоял, дурак дураком, на шоссе и пытался почти два часа остановить проезжающие машины. Но их было совсем не много, если не сказать, что совсем не было на этой проселочной дороге в час ночи. А кто ехал – тот просто не останавливался около скукоженного человечка в смешных очках и с хохлятскими пшеничными усами. Наконец одна из дефилирующих машинешек остановилась, и мужичек из нее от чистого сердца не только отдал свою запаску, но еще и помог ее установить под мокрым снегом. Потом похлопал Билла по костлявому, промокшему насквозь плечу и укатил восвояси, оставил свой адрес, правда только для того, чтобы если подвернется возмож-

ность, получить с бедолаги запасное колесо взад. Гейтса он, конечно, не признал – был простым парнем из рабочих кварталов Ванкувера.

Через три дня к нему на Йорквэй Стрит 134 пришло письмо компанией Федерал Экспресс из корпорации Майкрософт:

Уважаемый Дик!

Ваша ссуда на дом в размере 234.456 канадских долларов 78 центов выплачена через Ваш CIBC банк. Так же прилагается чек на сумму 98,47 долларов за аварийное колесо.

С признательностью

Билл Гейтс

Подпись

дата

Это все не чушь, так как мне эту историю рассказал этот самый парень из рабочих кварталов – Дик Вэй. Я у него купил ворованную Хонду Аккорд 1989 года. У Дика бизнес простой – покупает и продает ворованные машины из Мексики в Канаду, и толкает дальше в Россию, в город-герой Владивосток. Какому то там Ивану Ничипоруку. Перебивает

номера, лицензии, торговые декларации и все такое.

Ну не мне вас учить, правда.

А копия чека и письмо с подписью великого Билла висела у него на стене в мастерской на гвозде вместе с молотками и разводными ключами. Поскольку бумажка эта ему на фирму не нужна, он отдал ее мне и это существенно пополнило мою коллекцию всяких прибабасок от уставших знаменитостей.

У меня-то в Акапулько смелости не хватило на автограф. Хотя мырма моя говорила, что мог бы и выпросить автограф на банковском чеке в пару-тройку штукарей.

Дик после получения денег квасил почти две недели, пока не получил первое предупреждение от Господа нашего – увезли в местную одноэтажную больницу в прединфарктном состоянии – моторчик перестал сдерживать алкогольные пары черного лейбла Джоника Волкера.

Все равно потом кони задвинул через два с половиной года. Матросня из Владика поставила на перышки. Просто произошел раздел рынка небольшой, так как Ничепоренко, получив вид на жительство в Канаде, решил прибрать себе весь этот бизнес. Дорога то уже накатана.

ВАНУА-ЛЭВУ

Это тоже все правда, однако, детали я даже и не знала. Он просто рассказывал мне, что помог Биллу вытолкать драндулет, а вот что жил на его фазенде пару дней – это для меня сюрприз. Вот идиот так уж идиот. Мог бы себе состояние сделать на этой встрече. Мог засудить бы его, Билку, за причиненный самому себе неописуемый вред.

Думаю, что Марийка эта, домохозяйка-мексиканка, совсем уж и не страшная и толстая была на эти две ночи. Припоминается мне какая-то странная фотография, которую обнаружила после нашей этой поездки в его портфеле. Симпатичная, правда, как все мексиканки, низкорослая девушка, стоит с кувшином и поливает цветы на какой-то веранде. Он мне тогда стал сумбурно объяснять, что это, наверное в Канкуне нам перемешали фотки во время печати, а эту он оставил, как сувенир, как открытку на память о поездке.

Я в то время как последняя дура ползала по майя-ацтэковским зиккуратам в Чиченице и медитировала почему зря в Тулуме. Это мы специально «разлучились», тогда на пару дней чтобы любить-твою-мать крепче друг друга!

А я то, дура, и поверила. Вот дура то!

Вот кобель-то, дурандас мой гнилосочный, прости Господи меня!

MG.

ЧАРЫН

Скорее всего, мне надо было бы начать мои записи не с Парижа, а с засраной деревни Чарын в глуши Казахстанских степей.

Это почти как начать все заново, как родиться заново после тупой жизни.

Начать можно было бы в стихах!

СТИХИ

— Жиль ли Лэнин Казакстан?

Жолтонбай отца спросил

— И-и-и-и, ты мэне сказалъ!

Лэнин гниль по турмам-ссылкам

За казакски за народ, Вот Ильич походким в-а-ажным

Четверым бревно несет!

А дальше так.

Почти все это случилось на самом деле. Ведь были же все эти годы, а значит, что-то должно было происходить.

И в самом деле, живет же сейчас в Нью-Йорке один мой бывший хороший друг, Сашка Сюткин, с которым мы пытались перейти Китайскую границу 28 апреля 1984 года в районе реки Чарын в Казахстане. Ему одному из нас троих это

тогда удалось, его брат Олег погиб, а я был задержан казахскими бдительными пограничниками при попытке захвата председательского самолета Ан-2 колхоза-хлопкороба «Ленинский свет Социализма».

Я с Сашкой никогда не встречался после этого. Так мы и договаривались. Если нам удастся это предприятие по побегу из Советской России, мы забываем друг о друге и никогда не входим в эту воду дважды.

Тем более, что все его считают погибшим и родители приносят цветы на его могилу в городе Ревда.

Такие дела.

Правда, однажды он прислал мне открытку в Торонто к рождеству 1996 года и в ней было написано только два слова – «Take care».

Подписи не было. Но у меня нет никаких знакомых больше в Нью-Йорке, если не считать Курта Воннегута, который приезжал ко мне на открытие галереи и клуба «Бокомара» в Торонто. А, да!, еще есть черный полицейский Эдди, не помню уж как его ласт нэйм, что допрашивал меня в госпитале Моунт-Сэне на 49 улице. Это когда мне в темечко прилетело что-то очень тяжёлое в Центральном парке от такого же черножопого. Плюс ко всему я лишился своего любимого фотика. От Эдди-полицая у меня в реликвиях протокол допроса из 52 полицейского отделения Манхэттена.

«Шел, споткнулся, упал, потерял сознание, закрытый перелом, очнулся – гипс».

ЦИТАТА

«Ну, зачем ты мне врешь! У тебя там не закрытый, а открытый перелом!»

Бриллиантовая рука.

Так вот, подписи под «тэйк кэр» не было.

Значит, это был он, Сашка Сюткин, как очень хотелось бы в это верить.

От Сашки в наследство, в коллекцию моих реликтов досталось его стихотворение, точнее две первые строчки. Он ничего не смог больше придумать, потому как человек был простой и добрый, не как все эти идиоты-поэты современности.

Вот что он написал после их неудавшегося восхождения на Эльбрус в 1982 году:

*Они поднимались в гору,
Их было трое...*

И все, не строчки больше!

Просто и понятно.

Из этого восхождения они привезли в Свердловск полный

полиэтиленовый мешок (за десять копеек, а не за семь) мышинового говна под названием мумие. И долго пытались его продать студентам, чтобы покрыть свои дорожные расходы.

Помните – в десятикопеешный кулек входило три литра пива, а в семикопеешный – только два.

Этот мешочек, один из многих, тоже у меня в музее. Были проблемы с ввозом его на территорию Великобритании – таможня не давала добро, пока проверяли – опиум это или мышинное говно. Сошлись на говне, но посоветовали посетить психиатра. Ржали тогда надо мной совсем как не тихие, тупые англичане, а папуасы с острова Куку.

ВАНУА-ЛЭВУ

До момента с Воннегутом все похоже на правду. Однако с Куртом он никогда не встречался и тот никогда не приезжал в Торонто. Да, клуб Бокомара он действительно открыл, но только в сети. Через два с половиной месяца продал его какому-то индусу по имени Кумар за стоимость обслуживания провайдера плюс бутылку водки, и сайт моментально превратился в порномагазин.

Однако переписка с Воннегутом у него действительно существовала и похоронена где-то сейчас в джунглях интернета. Уж о чем они переписывались, одному Богу и Курту известно.

А вот код-то на вход в его «мыло» я и не знаю.

С братьями Сюткиными он тоже не врет. Вся эта их экстримная компания скалолазов проходчиков поперлась в Казахстан в апреле 1984 года. Моему удалось из грязевой лавы каким-то чудом выбраться. Сюткины погибли.

Это официальная версия. Были слухи, что Сюткины под эту лавинную лавочку ушли в Китай, потом, якобы, их видели в Турции, в Анкаре наши Свердловские челноки.

Мой был под самым пристальным прицелом комитетчиков, и все еще удивлялись вокруг, почему? Вроде наоборот парня надо поддержать после такой трагедии, а его с допроса на допрос, с допроса на допрос.

Потом поперли из Института, и сразу завалили в ряды защитников. Как уж он там не косил под психа, псих мой худосочный! Ничего не помогло. И закинули то не в ближайший аул, а прямо на БАМ, в самый его конец. Я его тогда еще не знала. Это все мать его рассказала потом. Я даже, помню, ревела, как дура. Вот думала, парень то мне какой достался экстримно-активный во всех отношениях. Под смертью ходил и обыграл ее, как в наперстки. И шьет и вяжет, а как спать ляжет – коньки наденет, как заебенит! Экскюз май фрэнч.

МГ.

САЙГОН

А моих друзей в Америке, которых, как я упоминал – раздва-и-обчелся. В Нью-Йорке, в Сиэтле, Лос-Анджелесе.

В Хьюстоне, штат Техас, Земля, Солнечная Система, живет мой друг, вьетнамец Тим Юнг, который в свое время со своей семьей сбежал в США из Сайгона на последнем вертолете за три часа до входа в него Северных войск. Тиму тогда было всего три года и он даже не помнит этой эвакуации, потому что мать его несла закупоренным в большой и надежной дорожной сумке «Сэмсонит», чтобы офицеры контроля Американского посольства в Сайгоне случайно не подумали, что два места в чаппере-вертолете наверняка не лучше, чем одно.

Отец Тима сгорел в огне напалма под налетом американской авиации. Произошло это по нелепой случайности. Бомбовый удар был предназначен для поселка красных партизан Суэнь-хуй, (и смех, и грех – но чистая правда), а командир взвода разведки лейтенант Стивен Мэн неправильно дал координаты района уничтожения, так как карта была залита кровью его отстреленного левого уха.

Ракеты накрыли своих.

Отец находился во взводе прикрытия и превратился в пепел за четыре с половиной секунды, как, впрочем, и большинство его товарищей по борьбе с «красной-вьетнам-

ской-коммунистической чумой».

Такие дела.

КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

Все, кто служил, тот знает, что состав напалма очень прост – это взбитый на горючке резиновый клей.

Так вот у меня был знакомый, сослуживец по части 6705 в Комсомольске-на-Амуре, Вовка Ершов, по кличке Марихуана, удивительной судьбы человек. Он тоже сгорел от напалма. Только не снаружи, а изнутри.

«Клей» мы пили в боевой части 6705, за отсутствием денег на водку. Пили, как водиться во всех Вооруженных Силах, в каптерке. Подальше от начальства, поближе к кухне.

Ну, сначала надо резиновый клей добыть у эков в зоне строгого режима ИТК-7. Там на зоне была Промка, где шили очень даже неплохие куфаечки, и в производственном процессе им необходим был «клей резиновый, не питьевой». Клей этот мы, вохровцы ГУЛАГов, меняли на чай, из которого мужички гнали чифир. Удивительного действия напиток – совсем как экстази, только танцевать потом нужно под одеялом с самим собой, медленно и верно, а то надзиратели увидят в тебе перемену к лучшему «ниспохую», и дадут карцера на пару ночей, чтобы не эйфорило.

С нашей же стороны процес синтеза спирта из клея БФ-6 был такой. Берем электродрель – дрелью его, клей, надобно «поднять». Как миксером. Ну, у кого миксер есть, тот знает. Можно поднимать резинку и вручную, но это долго

и нудно, можно захлебнуться слюной, особенно когда трубы горят.

Потом излишки взбитого клея «отбрасываются» через друшлак, а спиртовой раствор денатурата сливается в трехлитровую банку. Столько, примерно, получалось с 12-ти литрового бидона клея. Затем добавляется соль и раствор отстаивается некоторое время.

Пока душа терпит.

Еще одна фильтровка «ломом» и огнедышащий напиток подается к столу в железных кружках. Белых. Из зеленых только духи пьют чай-бром. Закуска по вкусу. Семь раз отпей – один раз отъешь.

«Фильтровку ломом» наш любимый денатурат проходил только в зимнее, суровое время. Хорошо еще что это время зимнее и суровое в Комсомольске-на-Амуре составляет большую часть времени года. Лето в Комсомольске, как впрочем, и в Свердловске короткое, но малоснежное. Идея проста, как все гениальное. Ее нам подсказали местные китайцы, лимита желтая, (те же самые, что научили меня, как медведей под жопу пинать). Мне даже пришлось кое-какой китайский подучить, чтобы с ними общаться.

Первому слову меня, правда, обучил Урумбек. Грит мне однажды, по молодости, по духовщине еще, – «Суда эди, суконахбля неруский сволышь, жарены картошка-мартошка мнэ с кухни принэси!» Я грю, – «Чо?»

Он как мне в печень сапогом заедет, у меня аж цифирьки

защелкали.

«Чо» – по-китайски – жопа!» – отвечает.

Вот это я надолго запомнил.

После этого стал Мандарин их китайский изучать.

Больших успехов, кстати, достиг.

Сейчас на Канадщине часто выручает. Иногда подрежу по русской привычке какого-нибудь узкоглазого на дороге, он высунется из окна своего авто дорогого, плюнет своей едкой слюной с типичной пневмонией на мою ворованную Хонду и давай ругаться английским матом. Фак-перефак, фак-перефак!

А я ему, – «Чо!!!»

И по газам!

Ага, о чем это я? Об очистке ломом!

Духи малослуживые шинельным сукнецом натирают лом обычный, стальной, ледодробильный, до состояния зеркального блеска дедовской бляхи на ремне. Чтобы бриться можно было, и как зеркало использовать.

Ну, потом этот ломик мы выносим на тридцатиградусный дальневосточный мороз и осторожно вставляем в пустую трехлитровку. Вот та-а-ак. Осторожно, чтобы на морозе баночка не лугнула прозрачным стеклом.

Затем осторожно, примерно с половины или с одной третьей высоты лома начинаем на него поливать священную жидкость. Медленно так, чуть дыша, осторожненько блин,

ты чо делаешь, сухорукая твоя голова!

Ага! Пошла родимая стекать в баночку!

Так вот суть то вся у китаез этих заключается в том, что пока спиртик с клеевыми добавками бежит по стальной, блестящей поверхности лома, то все вредные и ненужные пары БФ-6 испаряются на жесткой морозюге, или же налипают на арктического холода сталь лома.

А баночку тем временем наполняет чистая слеза спирта.

Дрели же, миксеры, хорошие такие, изготовленные для боевых операций в боевых условиях в тылу врага, мы выменивали на выкидные ножи из Зоны в соседней танковой части №14235.

Выкидные ножи, такие с кнопками, очень козырные-пацанские, короче, мы выменивали в зоне на чай.

Две плитки чая – нож.

Плитка чая стоила 2 рубля и, если не стрендеть совсем, 47 копеек еще сверху.

Танкисты, мазута дубовая, тырили дрели из неприкосновенных, зачехленных на время войны с потенциальными противниками, боевых танков Т-62 с их базы в Хурмулях, СССР, Дальний Восток, Земля, Солнечная Система.

Деньги, чтобы купить чай на обмен в Зоне, присылали наши мамы и папы, в надежде, что мы купим себе на них конфеты, или как поговаривал страшный сержант Урумбек Маменгалиев – «кампет-мампет, панимаищ?».

СПРАВКА

Многие из Войсковой части 6705 ушли потом в коммерцию, а некоторые даже стали основателями первых перестроечных бартеров. Помог большой опыт работы в конвойных частях.

А что, так и получалось, что наши мамы и папы спаивали нас клеем БФ-6. Нет чтобы просто, по-человечи – выслать водки в резиновой грелке.

Вовка то, Марихуана, вообще кони двинул, да еще и каптерку собой спалил. Замахнул цельную пол-литровую банку ломом очищенной, солью и марганцем профильтрованной, (мы ему еще говорили, не спеши), и вместо закуски, (ее просто не было) потянулся скорее сигаретку закурить. Ну и полыхнул сразу, почернел моментально, как молнией его шибануло. Дернулся, мы и подскочить с Арменом-каптерщиком не успели, упал, зацепил трехлитровую банку с клеем, и пошло полыхать. Взметнулось по полкам с бельем солдатским, по гимнастеркам, по шинелям, затрещало по антресолям с портянками. Вовку то мы за ноги вытащить успели, точнее уголок его.

А вот уж тушить – не наша дедовская забота. Роту в ружье подняли, духов в ряд выстроили, ведра в руки – и по цепи к сортиру. Затушили они очаг пожара, как будто в обстановке, приближенной к боевой. Добра коптерного сгорело много. Особенно дедушки жалели о форме парадной, приготовленной на Дембель-86-Весна.

Вот только ЗамПоТылу, подполковник Гришко, был, как мне кажется, доволен. Столько, говорит, добра пропало-сгорело, столько добра!

Прицелов ночного видения к РГД-6 – шестнадцать штук, сапог офицерских, яловых – 147 пар, полушубков новых, офицерских – 126 штук, ботинок офицерских, парадных 74 пары, шарфов белых, офицерских, парадных – 132 штуки, перчаток офицерских, кожаных, парадных 194 пары, варежек трехпалок – со счета сбиться, две кинокамеры импортные, два портсигара золотых, всё нажитое непосильным трудом и тд. и тп.

Уже через пару месяцев бедный-пребедный подполковник Гришко на его новой вишнёвой «девятке» разгонял лужи перед КПП нашей части на улице Сталелитейной, Комсомольск-на-Амуре, Земля, Солнечная Система, Млечный Путь.

Правда, тащпалков?

Такие дела.

На свой Дембель-86-осень я сделал себе небольшой подарок. Купил у танкистов новый гранатомет, стыренный из того же НЗ. Ну, кто служил, тот знает, подствольный гранатомет «Муха», который пристегивается к цевью автомата, к нему две гранаты и еще в нагрузочку ко всей этой преле-

сти – четыре цинка патронов к АК-74. Восемьсот дорогих моих латунных, по восемь рублей за каждый патрон. Надолго можно было бы в Белом Доме засесть в девяносто первом году.

Стоило это мне четырех выкидных ножей, трех гробиков со скелетами, тех, которые открываешь, а у скелета хуйчик вскакивает. Большой такой. Плюс двадцать три цепочки с крестами развернутыми, четыре дембельских альбома с голыми бабами и чеканкой, и еще до кучи шестнадцать штурвалов.

СПРАВКА

Штурвал – это престранное изобретение, принесенное миру из темных, больных застенков ИТК. Эдакая резиновая уздечка, которую нужно натянуть на Павла Корчагина в красной буденовке, чтобы она хорошо зацепилась за головкой, а во все стороны от центра торчат тонкие резиновые усики. Почему-то подразумевается, что такой механизм должен в тяжелое время занятий любовью привести в неописуемый восторг милых дамс.

Уж не знаю, как женщины на этот прибор кладут взгляд, но вот после предотвращения (путем смертоубийства естественно) побега одного «петушка-гребешка» на нашей ИТК-7 в городе Комсомольске-на-Амуре, СССР, Земля, Солнечная Система, во время паталогического-анатомного медицинского обследования его тщедушного тела, в заднем проходе было обнаружено четыре штурвала, две пробки из-

под газировки «Балтика» и носовой платок с вышивкой «ГП-ТУ-9. Не забуду Пал Палыча»

Такие дела.

Да! Есть у меня в моей коллекции реликвий один из этих штурвалов Пал Палыча, (остальные поразобрали сержанты, которые были причастны к смертоубийству). В дембельские альбомы, наверное, наклеивать. Порядком пообтершийся, так как не раз потом приходилось мне его опробовать ночами послеармейской студенческой молодости. Да простят меня ленки-ольги-светки-катыки-немые-на-четверых-и-т.д.

Гранатомет с гранатами и патронами я закопал в тайге недалеко от нашего войскового стрельбища около поселка Хурмули. Странно, но когда в 1997 году я прилетел в Комсомольск, добрался на попутках в Хурмули и нашел этот тайник, то патронов в нем не было, остался только гранатомет с гранатами.

Место, где я сделал тайник в свое время, четыре километра от первого съезда от Сермяжного трака вправо, мне никогда не забыть. Я его называю по Аркадестругатски – «У погибшего медведя». На этом месте 24 июня 1985 года я убил медведя пинком моей сильной правой ноги ему под сраку.

Такие дела.

ХУРМУЛИ

Охотиться на медведей методом «пинка под сраку» (по ненецки это будет «уинга па иул») меня научили местные охотники, какой-то то ли нанайской, то ли ненецкой внешности. Китайцы это были, вот кто! Их тогда, нелегалов-лимиты и в то время уже много в тайге развелось. Ломовики-чистильщики. Хотя честно сказать «уинга па иул» это точно не по-китайски. Китайский то я прилично знаю. Даже Министр Торговли их Китайской в 1994 году в Стокгольме на торговой конференции мне комплимент сделал. Типа я первый белый говорю на практически чистом пекинском диалекте.

Я же в то время уборщиком помещений прирабатывал, техничкой, на выставке достижений Мирового Хозяйства Европейской Технологии.

Ну ладно, чо себя хвалить другими языками.

О медведях.

Когда медведи, разьевшиися за долгое лето, добираются до только что созревшей ягоды морошки, они вообще поворачиваются своим медвежьим рассудком и для них морошковая поляна превращается в рай земной. Они могут проводить на этой поляне недели за неделей, если поляна достаточно большая. Забираются в кустики ягод своим медвежьим носом и бороздят их задом кверху, как твои свиньи

перед пометом.

Вот как раз в этот момент к ним, к мишкам, и нужно по-добратся сзади, разбежаться побыстрее и пнуть посильнее под зад. От такой неожиданности у медведя-сладкоежки случается разрыв его бедного и доброго сердца, и он падает за-мертво на райскую поляну.

Эти нанайцы так, кстати, и промышляют, и содержат семьи свои нанайские. Денег то у них на ружья нет. Да и не только на ружья.

В этом у меня с ними очень много общего.

Шуба медвежья под моими ногами сейчас лежит, как часть моей мировой коллекции. Хорошая память о Советских Вооруженных Силах. Пообтерлась порядком уже. Через все страны шубейка проехала.

В Амстердаме сигаретами прожжена в области глаз.

И в Лондоне, и в Париже пожила и лишилась обеих лап – пробовали варить суп, насмотревшись фильмов с Чарли Чаплиным. И там и там получилась вполне приличная похлёбка.

В Польше ее чуть шляхта на границе не отмела, сотней грина пришлось отделяваться.

В Гонконге мне за неё штуку их гонконговских долларов предлагали, говорят неведомый науке зверь. Ети? Не отдал.

В Нью-Йорке и Сиэтле под ногами валялась шкурка моя дорогая в засаленных квартирках однодневках в Квине

и на Первой Авеню, как единственный атрибут интерьера, кровати, стола, холодильника, кота и унитаза.

В Ванкувере мы её использовали в «Секретных Папках» в качестве пугала для кабанов, доставших нас в палаточном городке в горах.

Да! Мишку убиенного всё же жалко.

Добрый мишка был.

Такие дела.

САЙГОН

Американский вьетконговец Тим Юнг говорил мне, что не скорректированное уничтожение поселка во Вьетконге было достаточно шумевшим делом, которое попало в печать, потому что в огне погибли до кучи два репортера британской телевизионной компании «Фокс Ньюс», снимавших героические подвиги своих героических соотечественников. Бедный безухий командир взвода пошел бы под трибунал, если бы не самокритичный выстрел в большой, чувственный американский рот.

Перед тем как застрелиться в чувственный рот, Стивен Мэн, sentimental son of a bitch, произнес великолепную фразу, которая впоследствии стала крылатой во Вьетнаме, а Фрэнсис Коппола (ну этот чеканутый на голову режиссер) заработал на ней свой Оскар.

– О, как я люблю запах напалма по утрам!

А все эта пресловутая американская сентиментальность.

Такие дела.

Кстати, Коппола умер.

Такие дела.

Нет стоп! Чо это я – это Кубрик кони то двинул, а Коппола еще жив. Совсем записался я.

Тысячи южан пытались пробиться на территорию посольства США в Сайгоне, прямо с крыши которого каждые пятнадцать-двадцать минут снимались вертолеты, набитые, как банки с дальневосточной килькой, желтыми узкоглазыми беженцами. Буквально касаясь воды от перегрузки, они доставляли людей на стоящие в порту авианосцы, выгружали счастливицков и возвращались назад к посольству. Туда, где массы народные пытались броситься напролом, уже понимая, что даже плавучие громады-железяки, хоть и не джонки, не растяжимы до размеров Южного Вьетнама.

Там, около дверей посольства, они и были удачно остановлены прицельными, очень не холостыми выстрелами парней из «Зеленых беретов».

Такие дела.

В произошедшей суматохе матери Юнг удалось через трубы пробиться к решетке посольства. Крича что-то на понятном только ей языке, она затолкала в руку одному из охранников справку о геройской смерти мужа за свободу и независимость родного Вьетнама. Она знала, что за решетку в первую очередь пропускали или семьи погибших героев, или того, кто каким-то образом был связан с сопротивлени-

ем. Поэтому отец Тима, сам того уже не зная, спас жизнь своей маленькой семье, жене (и сыну в дорожной сумке «Сэмсонит»).

Огромного роста солдат, с добрыми глазами, с плоским, тупым черепом, с лицом, молоченым горохом вьетнамской проказы и непостоянством текущей военной жизни, чертыхаясь и матерясь на своем понятном только ему английском языке, помог втащить груз на крышу посольства и с размаху забросил Тимкино, мало уже что ощущавшее тело, в вертолет.

Этот рейс был последним, и в эту железную банку набилось в два раза больше дальневосточных вьетнамских сельдей, чем необходимо.

Мать сидела на сумке, смертельно до синевы в суставах, вцепившись в нее своими маленькими вьетнамскими пальчиками, ощущая слабое дыхание своего мальчика.

Все кончилось, вся эта война, вся эта победа, все эти пули, все эти гранаты. Вскоре она с сыном будет в большой и неизвестной Америке, где все, конечно же, будет хорошо.

Вот дура то!

Благодаря компании, «AT&T CANADA», я могу практически бесплатно звонить в США. И сейчас, когда уже становлюсь старым пердуном и пристрастился окончательно к дешевому канадскому хересу, так как он невероятно напоминает мне вкус портвейна «777» (в простом народе известного

как «Три топорика»), я, напившись, звоню Тиму в Хьюстон и спрашиваю его:

– А не хочешь ли ты, Тимочка, порыбачить на акул где-нибудь неподалеку от Ханоя, (помнишь еще эти приливы, мой милый желтый друг), или трахнуть какую-нибудь соотечественницу за два доллара в портовом борделе?

Он мне отвечает его любимой перифразой из фильма «Апокалипсис Сегодня»:

– Ты же знаешь, я бы поехал, но... Я не люблю запах напалма по утрам.

Он просыпался в шесть тридцать каждое утро в своей маленькой квартирке в районе Хайгейта в Лондоне, где я жил у него несколько месяцев без пенни в кармане, ставил себе кофе и говорил эту фразу-молитву, перед тем как двинуться в свою архитектурную фирму Шеппард Робсон на другой конец города, в Камден Таун. Поездка занимала у него час двадцать две минуты – 2.44 туда и обратно – примерно одну десятую жизни.

Думаю, он просыпается с этим лозунгом и сейчас у себя в Хьюстоне: «О, опять сегодня в напалм!»

ЛОНДОН

Кстати, это я приучил Тимку пить портвейн. Портвейн вместо виски – как напиток нашего поколения. А в 1991 прихлопнул ему в Лондон бомбу портвейна «Узбекистон виноси».

Ох, и смотрели же на меня тогда «синие братья» таможенники в родном Шереметьево-2. Но эта зеленая стеклянная деталь с вкусной витаминной жидкостью внутри однако, сыграла важную роль в моей жизни – таможня под ее зеленым свечением дала алкоголику добро на вывоз в дальнее зарубежье запрещенных произведений искусств, трех картин собственного производства. Одна из картин попала на ежегодную летнюю выставку в Королевскую Академию художеств, другая позволила мне познакомиться с Люськой Ламберт из Мельбурна. А при помощи третьей в галерее Ройл Майлза в Лондоне я стал обладателем нежного поцелуя глубокого проникновения от леди Дианы Спенсер, проще говоря, Принцессы Дианы.

Тим говорит, что «бомба» портвейна «Узбекистон виноси» за, как припоминаю, может и не точно, дай бог памяти, три двадцать, до сих пор стоит у него в домашнем баре. Уволлок ведь ее в Хьюстон! И за все эти сильные свинцом последние годы никто из его друзей и знакомых так и не решился даже пригубить колдовской жидкости.

А в одиночестве Тимка не пьет.

Не по понятиям.

САЙГОН

До посадочной палубы авианосца оставалось рукой подать, когда сильным порывом ветра вертушку, перегруженную людьми, прижало к воде. Черпанув волну, она завалилась набок, ломая лопасти, и стала медленно погружаться в пучину ласкового Желтого моря. Беженцы как горох посыпались из боевой машины, больше предназначенной для уничтожения живой силы противника, чем для спасения живой силы союзника.

ЦИТАТА к месту (из великих)

Все стёкла были разбиты, морды у всех были перекошены.

Аркадий и Борис Стругацкие

К моменту прибытия спасательного катера трое человек пошли ко дну вслед за вертолетом, добавив, таким образом, свои, в будущем съеденные экзотическими рыбами, тела, к полутора миллионному числу жертв бездарной войны. Остальные болтались на воде и орали что-то на своем заморском языке. На волнах так же болталась и сумка, удерживаемая из последних сил упрямой маленькой женщиной Юнг. Огромные герметичные карманы сумки удерживали воздух, как ваши семейные трусы пузырятся во времена ночных купаний на Волге под Самарой. Они и донесли своим амери-

канским качеством маленького Тима до спасительного катера. Все тот же, огромного роста солдат, втащил сумку в лодку и, не спрашивая, дернул замок, желая, в конце концов, узнать за что же он боролся.

В сумке, среди тряпья и давленных бананов, лежал практически бездыханный мальчик Тим Юнг, готовый начать свою новую жизнь в этой империи зла под названием Соединенные Штаты Америки.

РЭДХИЛ

Солдата, помогавшего матери таскать сумку, звали так же, как любимый напиток Бориса Николаевича Ельцина – Джек Дэниелс. Удивительной судьбы человек. Не Ельцин – Джэк Дэниелс.

Джек за спасение вьетнамских беженцев был награжден медалью «За боевую доблесть», «Конгрешнл мэдл оф онор», лично президентом Джонсоном в Белом Доме в Вашингтоне, Округ Коламбия, США, Земля, Солнечная Система.

Надо сказать, что в тот же день и час было вручено еще шесть боевых медалей за проявленный героизм во Вьетнаме.

В частности медаль вручили одному молодому, удивительной тоже судьбы, солдатику по имени Ник Вэйстер.

Вэйстер вытащил на себе из-под огня, так же героически вызванного на себя другим героическим командиром взвода, двенадцать раненых братков по несчастью служить под таким командованием.

В процессе совершения подвига он получил лёгкое осколочное ранение глубокого проникновения в правую ягодицу, за что и был торжественно комиссован. Осколок решено было оставить в заднице, так как операция могла случайно повредить седалищный нерв и заставить Ника всю жизнь подволакивать ногу и сидеть боком на левой ягодице. Тем самым быть под постоянным, презрительным прицелом

окружающих, не раненных, благодарных соотечественников: «А уж не собирается ли этот гражданин произвести бесшумную газовую атаку под себя?»

Президент США на церемонии вручения в шутку попросил его показать это боевое ранение, а Ник воспринял это как приказ и, не сплеховав, расстегнул свои армейские брюки и показал голую задницу господину Джонсону. Все это происходило во время прямой телетрансляции канала NBC по всей усталой от войны стране.

Этот случай, кстати, лег многими годами позже в основу эпизода фильма Роберта Замекиса «Форест Гамп».

Дурацкая же выходка Вэйстера была воспринята антивоенным движением Соединенных Штатов Америки как крайне смелая, правильная и символическая, за что солдат был единодушно выбран Председателем комитета «Ветераны Войны Во Вьетнаме Против Войны». На этом посту он высокопоставленно находился до четырнадцатого ноября 1984 года, пока трагически не погиб в авиакатастрофе.

На своем собственном одномоторном самолете Сэна-17, выпущенном заводами Локхид в Нью-Джерси, он, врезавшись в здание Мэрии городка Рэдхилл, штат Канзас, США, уничтожил своего оппонента в предвыборной борьбе, конгрессмена от Республиканской партии Мэфью Джекобсона, прошедшего на пост Мэра города с разницей всего лишь в два голоса.

Такие дела.

В плоской, но интересующейся трухлявостью жизни, голове моего тупого муженька никогда даже и не стрельнуло бы, что Великий Осама Бен Ладен воспользуется этой башибазукной идеей наказать наше скромное, уставшее от войн, существование.

Хотя, может это и не Великий Осама, а Великий Джорж Дабл Ю?

МГ.

ТОРОНТО

Я и моя жена Машенька можем прилично заработать друг на друге. Путь очень прост и цивилизован как, собственно, все пути заработка денег на Западе. Это после многих и многих лет, когда деньги уже практически перестали пахнуть кровью, так, как они пахнут сейчас в России-матушке.

Как? Если Машенька умудриться заколбасить меня навзничь и насмерть. И сделает это по-умному, показав страховой компании, документы на мою гибель, как несчастный случай под катком асфальтопрокладчика на нашей родной Эглинтон Авеню в районе Олд Мани, в Торонто. Или бросит меня в пасть акулы во время ночной рыбной ловли на Гаити, оставив Человечество без следов и частей моего ущербного, циллюлитного тела.

Потом, через очень небольшой промежуток времени, она сможет получить не много не мало, а восемьсот пятьдесят тысяч долларов.

Такие дела.

«Легко! Говно квэсшн, щит вопрос!», – как сказал бы мой знакомый Даниил Сивцов.

А все это, так называемое «Страхование жизни». Ты умираешь, а родственники твои резко улучшают свои финансо-

вые дела.

Она, моя родная, могла бы получить и весь миллион, если бы часть денег я не решил отдать в кассу восстановления Дома Ипатьева в Родном Екатеринбурге.

Если я заколбашу Манечку под видом несчастного случая, (бедная моя) – я получу лимон зелени и тихонько буду покуривать марихуану на далёких и диких островах, где много сексуально озабоченных зелёных обезьян.

Если Егорка пришьет нас обоих, под видом несчастного, (ах как жалко), случая, то ему светит миллион восемьсот пятьдесят, и сигары можно будет курить круглосуточно, а еще лучше давать курить сигару, кому ни попадя, пока не оскудеет сигара.

Такие дела.

ВАНУА-ЛЭВУ

*Нееет, друг мой убиенно-болезный!
Гаараздо больше!*

*Правительство Соединенных Штатов Америки выпла-
тило мне в виде первой поддержки 300 тысяч североаме-
риканских долларов буквально через неделю после трагиче-
ского incident 11 сентября. Потом American Airlines выде-
лили мне 523 тысячи 675 долларов, плюс Красный Крест
1 миллион 392 тысячи. И еще твоя дурацкая страховка –
800 итукаревичей.*

*Посчитай там у себя на небесах и звони мне про погоду.
2—12—85—0А, 2—12—85—0Б, это мой номер, номер,
номер, номер, номер...*

Как с куста! Искренне крикнув от боли – Щит вопрос!

МГ.

РЭДХИЛЛ

Так вот солдат Вьетнамской войны Ник Вэйстер всю свою страховку завещал Комитету По Борьбе С Войнами На Земле, (головной офис в Нью-Йорк Сити, дом 27 на Тридцать пятой улице, Штат Нью-Йорк, США).

Ни много, ни мало, а два миллиона триста пятьдесят тысяч долларов. Все свои деньги до цента. Такой вот благородный поступок.

Тэд Вэйстер, сын Ника, единственный и, как ему казалось, горячо любимый сын, начинающий наркоман и пьяница, огорчился однако такому благодарству благородного мученика Вьетнамской войны.

Вернувшись в свою засраную комнатёшку в Рэдхилле после многолюдных поминок и многочисленных слов друзей-ветеранов, типа, – «Ты должен гордиться своим отцом!» он вскрыл урну с прахом отца, высыпал содержимое в унитаз и, со вздохом облегчения, слил воду.

Когда прозрачное журчание в унитазе сменилось вечным спокойствием, Тэд увидел, что на дне поблескивает металлический предмет, размером не более пуговицы от сорочки.

Это был осколок штатной ракеты К-32 «воздух-земля» Американских ВВС, выстрельнутой лейтенантом четвертой воздушной бригады Тэдом Рэйганом. Осколок, глубоко побывавший в заднице Ника Вэйстера и прошедший послед-

нюю закалку в печах крематория города Рэдхил, Штат Канзас, США, Земля, Солнечная Система.

ЦИТАТА (к месту)

Если ружьё повешено на стене, оно должно быть обязательно выстрелено.

Майор Жмаев

Военная кафедра Свердловского Архитектурного Института.

Три года спустя после вручения медали по заслугам Джек Дениелс, так же как и Ник Вэйстер, благополучно скончался в госпитале, в небольшом городке Гейнесвил, штат Джорджия, те же США, та же Земля, та же Солнечная Система, от психической болезни с героико-патетическим названием «Вьетнамский синдром».

Джек не мог спать ночами, да и днями тоже. То есть совсем не мог спать все эти годы. За войну его так научили бдеть, чтобы не умереть от меткой вьетнамской пули, что полностью разучили спать.

Он умер от усталости.

Такие дела.

Тим говорил, что они с матерью ездили в Гейнесвил почтить память и выпить горячего саке за упокой души солдатской.

Годами позже мне довелось работать некоторое время

в качестве помощника-подавальщика на сериале «Секретные Папки» («X-files»), съемки которого происходили в провинции Британская Колумбия, Канада, Земля, Солнечная система.

Тогда же, кстати, на заработанные деньги я приобрёл у Ванкуверовского Дика ворованную Хонду Аккорд и письмо к ней от Билла Гейтса.

Так вот, фильм рассказывал о судьбе солдата, прошедшего Вьетнам и страдающего «Вьетнамским синдромом». Агент Молдер утверждал, и вполне убедительно, что над солдатами проводили эксперименты инопланетные существа совместно с воротилами Военно-Промышленного Комплекса США.

Любопытная деталь, во время съемок фильма пропали без вести двое парней осветителей. В съемочной группе их все любовно называли просто «светики». Может и над ними проводится сейчас эксперимент где-нибудь в созвездии Большой Медведицы, а может их просто загрызла медведица где-то в лесной чаще около съемочной площадки, куда они частенько уходили заниматься любовью.

А медведей в Бритишколамбиевских лесах поболее будет, чем в Сибирской тайге.

Потому как, сами понимаете, в Сибирской тайге множество медведей были просто уничтожены нанайцами пинками под зад.

ТАШКЕНТ

Так вот. К чему это я? Ах да!

Знаете, кто отстрелил ухо лейтенанта взвода разведки Стивена Мэна во Вьетнаме? Мой двоюродный дядя Николай Булгаков, сын Филиппа Булгакова, родного брата моего деда Александра тоже, естественно, Булгакова.

Удивительной судьбы человек.

Будучи пьяным, по случаю успешного убийства равнодушного к жизни кабана, заснул в охотничьем домике под Иркутском. Получил обморожение и ожег первой степени одновременно. Зашел в избу пьяный, как свинья после ошпарки, упал, руки были слишком близко к печке-буржуйке, а ноги так и остались наружу, на морозе. Вся остальная компания охотников, включая председателя местного Невиномашского Сельского Совета, благополучно замерзла, неохотно расставаясь с тяжестью жизни в синих снегах сибирских лесов.

Народная мудрость говорит – «Если вы проснулись на улице, значит, вы там заснули!»

Николаю, старшему сержанту ВДВ сверхсрочной службы, снайперу первого класса и «военному советнику», а проще, борцу за Свободный Красный Вьетнам, тогда было всего 21, с небольшим.

Николай прошел закалку «военного советника» на Кубе, получил какую-то боевую награду, лично от Фиделя Кастро

Рус, (лишившего меня чести), за пресечение попытки бегства «отбросов кубинского общества» на утлых суденышках в солнечную Флориду, США, Земля, Солнечная Система. После чего вернулся в матушку Россию и продолжал тренировать и военно-советовать специальные войска, в частности группу Альфа перед захватом президентского дворца в Кабуле. Учил искусству метко отстреливать уши потенциальным и не очень потенциальным противникам в далеких горячих точках планеты.

Дядя Николай был зарезан в пьяной драке узбекскими националистами в пивном зале ресторана «Зеравшан» города-героя Ташкента в сентябре 1983 года.

Зарезан за пять дней до его прибытия на новое место службы город-герой Кабул, Афганистан, Земля, Солнечная Система, Млечный Путь.

В зале «Зеравшан» играл ВИА «Эртэн джигит – бугин бала» и пели они песенки исключительно на узбекском языке. А Коля все хотел послушать до боли знакомую «На поле танки грохотали...», наехал на музыкантов, ну и получил за это в табло по самые бакенбарды, аж лицо заболело.

Что ему сказали перед смертью? – а вот что – куда ж ты со своим могучим и великим в калашный ряд, железный типун тебе за это в область печени и «желаем Вам узбеков в жизни».

Такие дела.

От дяди Николая Булгатова в моей коллекции хранится орден Красной звезды под номером 34516 с отколотой эмалью на нижнем левом острие, и медаль за кровопролитную борьбу с капиталистической гидрой, со странными бело-голубыми, однозвездными знаменами и надписями на испанском языке, полученная от Фиделя Кастро Русс.

Надпись, (или подпись), очень похожа на «Хаста ля Виста, Бэйби», что в переводе с испанского означает – «За золотые руки в правой борьбе».

ЛОНДОН

Немного перескачу сейчас в другую тему, но потом это встанет в общее повествование.

Вот самое любимое выражение Роберта Планта из Led Zeppelin.

– Это все – рок-н-ролл!

Он сказал мне это сам на студии БиБиСи в Лондоне в 1991 году, в августе. Я нервно курил сигареточку Астра перед прямым эфиром в Севаобороте у Севы Новгородцева, а он молча отглатывал прямо из дула любимый алкогольный напиток будущего президента всея Руси Бориса Ельцина – «Джек Дэниелс» Блэк Лэйбл.

Не знаю уж почему, видимо судьба у меня такая – «Джек Дэниелс», как и портвейн постоянно проходит красной тесемочкой в моей сумбурной жизни.

Так вот у него, Планта, так же было интервью перед их очередным мировым турне. Он долго наблюдал за мной и заговорил первый, вернее просто спросил меня: «Сынок, а ты не боишься курить марихуану и так открыто в закрытых помещениях всемирной радиокompании?»

Я сначала не понял, о чем речь, а потом проклял себя в который раз за то, что я такой бедный разнесчастный, что не могу даже купить себе нормальных сигарет, а Астра при-

лично воняет говном, которое Планта справедливо спутал с «дурью».

Еще, правда, маечка у меня была с козырным принтом – НЕ ХОДИ ПО ТРАВЕ – КУРИ ЕЁ!!

У Планта тяжелое лошадиное лицо с признаками наступающей старости и пристрастия к алкоголю.

Осипший голос, светлые с сединой, длинные, немытые волосы. Невысокого роста и с очень узкими покатыми, как у ярославской бабы, плечами.

Падонок с добрыми глазами.

И за что только его бабы эти ярославские любили?

ЦИТАТА к месту

Лицо у человека было некрасиво.

Строения вокруг были неказисты.

Алексей Потапов.

*Выпускник Архитектурного Института, Художник постановщик,
ныне – московский бандит.*

ЕКАТЕРИНБУРГ

За такое описание этого человека меня убили бы в Свердловском Архитектурном институте в восьмидесятих годах прошлого столетия.

А сейчас мало кто из новой засраной молодежи и знает, что такое Цепеллин. Все больше знают всякие там Зомби да Мадонны.

У Роберта Планта пронзительно чистые, серо-голубые, детские глаза. Такие глаза я видел только у одного человека кроме Планта – у Петюни Малкова.

Ах да, и у Оленьки Вороновой, которой, при виде ее глазок, в практически несбыточной надежде поймать, сигналили все проезжающие машины, включая снегоочистителей и водителей троллейбусов темных Свердловских улиц.

Оленька – высокая стройная брюнетка, иногда, когда захочет блондинка – (ничто так не красит женщину, как перекись водорода), с красивой, широко смотрящей в стороны самоотверженной грудью. Длинные, стройные ноги, а все остальное – глаза.

После рождения первого ребенка глаза ее значительно потускнели под давлением тяжелых Уральских радиоактивных будней и троллейбусы ей больше уже не сигналият. Хотя иногда по весне, когда муж собирается в командировку по делам своей торговой фирмы, глаза эти вновь приобретают свой

поразительно лучистый оттенок и – держись Екатеринбург!

Такие дела.

ТИБЕТ

Лама Куань-Шуи, при встрече с Сергеем Лузгиным в далеких Тибетских перевалах, говорил, что с рождением ребенка у родителя значительно уменьшается, а часто прекращается совсем это свечение, исходящее из темени его вверх, и соединяющее тебя с Космосом Господа твоего.

Человек всё глубже погружается в собачье дерьмо обыденности, его сильнее прежнего прижимает к земле и под невыносимыми тяготами будней, глаза, как зеркало души, теряют свое свечение. Он умирает старым, сутулым, некрасивым, фактически в возрасте десяти лет от общей возможной суммы лет, которые ему суждено было бы прожить на этой грешной Земле.

Поэтому то тибетские ламы и уходят высоко в горы после рождения детей и там, в вышине, при разряженном почти до нуля воздухе, восстанавливают потерянную энергию, не разговаривая ни с кем, кроме Всевышнего.

Кто он там у них? Будда что ли?

После этого они возвращаются в долину, в селение, к семье, к детям, с восстановленной энергией и светящимися глазами, и водители непальских троллейбусов и снегоочистителей сигналият им неустанно.

ЦИТАТА

Все вокруг – дерьмо собачье!

Лама Кунь-Шуи.

ЛОНДОН

Я ответил Робу Планту, что это в пределах нормы в моей стране курить такие сигареты в публичных местах. Он был потрясен этим. – Ваша перестройка шагнула дальше, чем законы в Голландии. Вы можете курить план даже в общественных местах! Это все Рок энд Ролл!

Он оставил свой автограф на мятой красной пачке Астры, написав замечательные слова, «Майклу – свободному человеку свободной страны – это все рок-н-ролл».

И стрельнул две сигаретки, (больше у меня не было). Видимо хотел покурить спокойно с Джимми и с парнями-коллегам по группе перед концертами их мирового турне.

А последние даже мент не берет, хотя, конечно же, наши русские неписанные законы на них, буржуев, не очень то распространяются.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Если бы Оленька Воронова в период отъезда мужа в командировку по делам фирмы в июле 1991 года оказалась в районе Уралмашзавода, то она никогда бы не дождалась приветственных звончков троллейбусов, так как троллейбусы в это время на Уралмаше не ходили.

Причина простая. Дима Ломовцев, продавец цветных металлов и мой хороший знакомый, (я бы даже сказал – мой спонсор), со своими соратниками по бизнесу, тоже продавцами металлов, темной и короткой Уральской ноченькой, под видом ремонтной бригады, скрутил на кабельный барабан шесть с половиной километров медного провода троллейбусных путей-сообщений. С целью выгодно протянуть этот провод где-нибудь в районе Таамсаарре в Таллинне.

Ломовцев, кажется маленьким, наверное, из-за коротких, крепких ног, с добродушным лицом и маленькими, цепкими, навывкате, добрыми глазами. На подбородке большая, злая, красная родинка. Иногда хромает, когда долго ходит пешком. Такое случается очень редко.

После этой выгодной торговой операции мечта Димки сбылась – он стал миллионером.

Еще через очень короткое время благодаря стараниям Правительства России и девальвации рубля один к тысяче миллионерами станет практически всё взрослое население

России. А торговцы металлами шагнут за мультимиллионный рубеж.

Осенью 1999 года Дмитрия Ломовцева найдут в его пожарно-красном Джипе Ларедо-Чирокки с практически отрезанной головой. Голова будет срезана до шейных позвонков тонкой медной струной от гитары.

Что-то, видимо, не срослось с соратниками по бизнесу торговли металлом, которые оказывается, еще и попеть любят комсомольские песни у ночного костра под гитару где-нибудь на Кипре или Лазурном берегу.

Такие дела.

Его смерть каким-то образом послужила началом новой войны между Уралмашевской группировкой и Центровыми. Полегло тогда много боевого люда, много клубней и просто, попавшегося под горячую автоматную пулю, обывателя.

Будучи в Екатеринбурге, пройдите по Аллее Боевой Славы Центровых на местном кладбище, проникнитесь болью за безвременно погибших на полях сражений братков, пустите горькую скупую слезу потерянного народом поколения, приостановитесь, чтобы прочитать внимательно на громоздящихся монументах строки благодарности и любви от всех оставшихся в живых.

(Что-то типа такого, все чисто реально по-человечи, по-пацански и все такое...)

Авторитету Жданову
погибшему в бою с
Уралмашевской группировкой
с признательностью
от братвы.
Мы отомстим!

Такие дела.

Почему-то вспомнилась смешная тоже фраза на могильной плитке, разбитой такой совсем, старой, на кладбище в Кэмденвилле под Хьюстоном.

Это когда я приехал к моему вьетнамцу-америкосу Тимке летом 1999, и он мне показывал исторические достопримечательности Гражданской Войны бескрайних и раздольных техасских степей.

Норман Фишер

1823—1847

Развлекался тем,
что стрелял в негров

Рест ин пиис, браза

ВАНУА-ЛЭВУ

Мне, как женщине, чрезвычайно любящей русское литературное наследие, тоже почему-то вспомнились строки из Платонова

Здесь лежат случайно убитые люди.

Про Лома все правда, все что он выше и ниже написал. Есть у меня грешок по пьяному делу с каждым встречным поперечным целоваться. Про Отца Алексея ничего не знаю. Что-то слышала о его пропаже от Таньки Гайдаренко, бывшей жены Глебушки Контуженного из «Агаты Кристи». Но не мое это дело. Без этого голова болит. А если она болит – значит? Она есть!

Да и нечего было целоваться лезть. Ему. Слюнявый мотоциклет.

МГ.

Дима Ломовцев оказался свидетелем с моей стороны на нашем с Машкой венчании в Храме Всемилоственного Спасителя на Уктусе в городе Екатеринбурге в октябре 1991 года. В первую очередь, потому, что он не был знаком ни с кем из наших общих знакомых, а во вторых, потому, что он к тому времени, как миллионер, обладал автомобилем Лада, мо-

дель №9, вишневая, на котором он нас подбросил до места тайного венчания. Кроме того, Лом обладал дорогим костюмом, шелковым итальянским галстуком, и еще одним шелковым итальянским галстуком, пожертвованным для меня на момент бракосочетания. Я к тому времени таковым богатством не обладал, так как все деньги от поездки в Лондон ушли на разгульные вечера и беспредельные ноченьки с моей будущей супругой.

После нашего обручения мы провели удивительную ночь за несколькими бутылками кагора (для прихожан) на кухне у венчавшего нас Отца Алексея в его скромной четырехкомнатной квартире, обсуждая значение и смысл выражения, – Усмири свою гордыню!

Батюшка Алексей трижды во время венчания, поправляя мой особый ритуал крещения, напоминал мне об этом.

– Усмири свою гордыню, сын мой.

Просто я несколько раз пытался расцеловать его в жесткие волосы щеки, и только затекшие портвейном ноги не позволяли мне это сделать.

Димка же не пил – не по понятиям.

В середине ночи я, выходя пописать на балкон, обнаружил Алексея слюняво целующим мою подвыпившую Машеньку в область диафрагмы в широком коридоре его кооперативной холостяцкой квартиры.

Я не стал усмирять свою гордыню, и Димка помог мне в этом.

Что случилось?

Да ничего особенного.

Маня получила в глаз и долго еще смотрела на меня как сватья Баба-Бабариха после укуса шмеля.

А Алексея? Что ж, бритвой по горлу и... В колодце он лежит в заброшенной деревне Шпеньки, Свердловская Область, Россия, Земля, Солнечная Система, Млечный бляха путь. Не верите – посмотрите сами.

Такие дела.

От Лома мне остался в коллекции моей итальянский галстук, с дыркой на самом видном месте от сигареты, которую мне сделал крааасивый мальчик, когда приставал ко мне в Барселоне в клубе «Да Лека».

В колодце он лежит тоже – пойдите, проверьте.

Шучу, шучу.

You know I love you BeBe.

ВАНУА-ЛЭВУ

Да, есть у него в его комодке этот галстук с дыркой.

Они тогда из Амстердама с его дружкой армейским Копенькой Коперником, этим, со страшно большой задницей, ездили. У моего-то хоть галстук прожгли от любви, а Кольке в жопу воткнули иголку, глубоконько так, что он и сидеть то не мог с полмесяца. А потом его дружки голубые говорят ему уже в Амстике – ты пойдя, проверься на кровь, может тебе какую заразу туда в жопу воткнули.

Ну, он пошел, и точно, заполучил, оказывается ВИЧ-инфекцию через эту иголочку. Так что ему, наверное, еще года три-четыре осталось бы после этого укола куковать. Так и не исполниться его голубая мечта – найти друга. Кому он порченный да больной нужен был тогда. Маникюр – медикам, педикюр – педикам.

Мой то от этой иголки увернулся, зато сам в сентябре 2001-го в знаменитый небоскребчик, как иголочка в жирную американскую попу зашел.

МГ.

После этого проявления не усмиренной гордыни я, от греха подальше, через два дня улетел с Пашкой Матюхиным в Амстердам из Пулковского аэропорта города Ленингра-

да рейсом 26 компании «Аэрофлот», а Дима Ломовцев, на встрече со своими друзьями-бизнесменами, предложил часть заработанных денег вкладывать на восстановление этой заброшенной церкви Всемилоственного Спасителя.

Идея, как не странно, нашла горячий отклик в душах братвы, и сейчас, когда храм «официально» считается местом отпевания безвременно ушедших в мир иной братанов, он наиболее устроен, отреставрирован и благополучен в финансовом отношении, чем все другие храмы Екатеринбурга.

Правда, отца Алексея до сих пор считают пропавшим без вести. Вместе, кстати, с «кассой», полученной от продажи свечей, иконок, святых писаний и прочая-прочая-прочая... Куда деньги пропали – одному Богу известно.

В колодце-то их точно нет.

В свой последний путь Дима Ломовцев пошел так же из этого храма и путь его этот был посыпан розами похоронного кооператива «Мрамор».

Похоронный кооператив «Мрамор», по странному стечению обстоятельств, будет чуть позже одним из спонсоров художественного фильма «Мафия бессмертна», режиссера Леонида Партигула, с красавчиком Димкой Певцовым в главной роли, где нам с Лешей Потаповым выпала участь поработать художниками постановщиками. Ох, и веселое же время было, пьянки каждый день, герлы опять же каждую ночь, (вино-кино-домино) конечно же, и т. д. На то ведь оно

и кино ёбать...

От Отца Алексея мне в коллекцию исторических достопримечательностей досталась жена Маня и свидетельство о бракосочетании Раба Божьего Михаила и Рабы Божьей Марии. Порядком подзалитое святым кагором.

Такие дела.

По окончании съемок «Бессмертной Мафии» Лёха Потапов сдал экзамен во ВГИК по классу художников постановщиков. Прошел за шесть месяцев бесконечных московских пьянок модный по тем временам курс кинематографии – «взлет-посадка начала перестройки».

Получив солидную корочку и диплом, по протекции Лёхи Балабанова почти устроился на новую картину Климова «Белое существование». Почти? Все из-за принципов (понятий?), и за это я его уважаю, или правильнее сказать – уважал. Царство ему небесное, Господи прости.

Потапов являл собой пример мазохического травоядного вегетарианца. На мясо, в любых его проявлениях, Алексея рвало, как Штирлица на Родину. И вот во время «посвящения» на роль худпостановщика фильма, в момент пьяных откровений съемочной группы, он узнал, что в фильме «Иди и Смотри», где там такой момент, когда ночью убивают корову трассирующими пулями, так вот ее всамделишно уби-

ли тогда этими трассирующими пулями.

После съемок вся группа отрезала себе по кусману коровьего мяса и увезла по домам в голодающие семьи, в Москву.

Климов взял себе печень.

Узнав это, Леха уже не мог спокойно смотреть на режиссера Климова – его на него тошнило.

Вот так бесславно завершилась карьера великого художника постановщика, не сумевшего справиться со своими принципами и мясоедством великого режиссера Климова.

Однако Алексей остался в Москве, был он похож внешне на хорошо сколоченного бандита. По этому делу пару раз снялся в бандитских сериалах. Тут его приметили и предложили работать в назревавших тогда охранных кооперативах. Там он хорошо пошел, вошел, так сказать в роль, добрался до должности замдиректора по Международным делам. Много выезжал в разные страны для улаживания споров и отношений. Но однажды, во время одной из операций прикрытия или экспроприации экспроприированного, его начальника благополучно застрелили и Леше пришлось «пойти на руководящую». А потом агенство его подмяло под себя многих богатеньких Буратино. Леша стал бандитом с большой буквы. Вот если я сейчас бы в Москву полетел – побумал еще, встречаться с ним или нет.

Такие дела.

ОТТАВА

Не поверите, но в городе-герое Оттава, Онтарио, Канада, Земля, Солнечная Система произошла прелюбопытная история, которая потрясла местное полицейское управление. Однажды утром город проснулся и не нашел ни одной урны. Все урны на улицах были потырены неизвестными злоумышленниками. Каждая из них – большой кусок чистого алюминия. На переплавке он даст, по подсчетам специалистов, 62 доллара 53 цента дохода, как вторчермет. А производство новой урны обойдется городским властям и, как любят выражаться российские газетчики, карманам налогоплательщиков в 328 долларов 62 цента.

Таким образом, не только в Ебурге есть любители цветметаллов.

ЕКАТЕРИНБУРГ

Самый интересный проект, который мы осуществили с Петюней Малковым, если не считать его нашумевшую выставку «Лениниана» в выставочном зале Дворца Культуры Уралмаш и нашу, не менее нашумевшую, поездку в Корею по приглашению любимого вождя и учителя товарища Ким Ир Сена, было неофициальное издание небольшой книжицы под названием «Сказочки». Книга эта вышла в одном экземпляре, более наша местная рукописная типография не смогла себе позволить. Книга – перифраз сказок и былей графа Льва Николаевича Толстого, написанный для детей младшего школьного возраста, которых он сам и обучал в своей, далекой от опустившейся донельзя цивилизации, деревне. Я пересказал сказки, чтобы они стали более понятны для современного поколения детей младшего школьного возраста, а Петюня выполнил иллюстрации в своей неповторимой манере извращенного черного юмора уральской глубинки.

В дальнейшем я позволю себе приводить примеры этого легкого словоблудия, перебивая этим происходящее тяжелое графоманство.

Косточка (быль)

Купила мать слив ведро и хотела их дать детям после обеда. Мама никогда не ела слив, и все нюхала их. И очень они ей нравились. Очень хотелось съесть. Когда никого не было в горнице, она не удержалась и съела все ведро.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь сливы?

Все сказали

— Нет.

Тогда отец сказал

— Что съел кто-нибудь из вас — это нехорошо, но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и, если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь.

Все засмеялись, а мама заплакала.

А наутро умер папа.

Такие дела.

ЕКАТЕРИНБУРГ

С Севой Новгородцевым (город Лондон, Би-Би-Си-Си-Си-Си) меня познакомил Саша Калужский, легенда Свердловского Рок Клуба, приехавший в Лондон Русской службой БиБиСи проталкивать свой собственный музыкальный проект о печальной любви сибирского юноши к американской девочке.

Он был первым, кого молодежь и подростки видели на сцене перед началом концертов, он был куратором клуба от Комсомола, что-то вроде комиссара при президенте Коле Грахове. Ну и, до кучи, вызывал группы на сцену. Все его таким и запомнили, вызывающим. И каждый раз по-хамски кидали на сцену бумажные самолетики, мелкие, никому тогда уже не нужные монеты, а иногда и пивные бутылки, и кричали из зала:

– Калужского на сцену! Калужского на сцену!

И он выходил вечно в костюмчике и при галстуке, нес какую-то туфту типа:

– Дорогие юные любители рок музыки! Поздравляю вас с очередной рок сессией! А сейчас перед вами выступит...

И вызывал какую-нибудь группу, Красный Хач или Чай-Ф, или Наутилус Помпилиус, или, на худой конец, Агату Кристи.

Но один раз Саша вышел не в своем обыденном костю-

ме, а в джинсах, порванных на коленях, в маечке с надписью «Е.Т.» и все поняли, что-то у него в жизни коренным образом изменилось. И действительно.

Саша стал продюсером (менеджером) группы Наутилус-Помпилиус.

Это по поводу менеджества. В своей коллекции знаменитых реликвий, и достопримечательностей есть несколько визитных карточек. Занятные и веселые экземпляры. Вот одна из них.

Воробьёва Светлана Дудельзаковна
Межрегиональное рекламное агентство
«КЛАСС Е»
МЕНЕДЖЕР ВСЕГО

Этим предприятием «Класс Е» достойно руководил Дима Воробьев, достойно совмещая должность директора агентства с должностью директора Евро-Азия Синема Корпорэйшн. Миленькая Света Воробьёва, нетрудно догадаться – менеджер всего и жена Димы. И там же работал мой упоминаемый ранее, дружок Алексей Потапов, с которым мы планировали встретиться 4 июля 2000 года под самым малым парусом Сиднеевского театра Оперы и, наверное, Балета тоже.

И напиться портвейна как следует.

Ан нет – не судьба видно...

ВАНУА-ЛЭВУ

Да, Димочка Воробьев был бедой всех девочек в их «престижном» Архе в свое время. Высокий, очень симпатичный блондин, с легко выющимися, густыми, длинными по плечи волосами. Тёмные, постоянно меняющие свой цвет глаза, красивые большие зубы. Правда, немного частоколом.

На этом острове Вануа Леви, на далеком от вас Фиджи, у меня сейчас кроме спутникового интернета ничего нет, и все новости черпаю из газет «времен Очаковских и покоренья Крыма». Да еще от своих старых подружек из всегда заснеженного Екатеринбурга.

Ксения, моя сестра и подружка написала пару месяцев назад, что Воробей каким-то образом оказался директором в съёмочной группе Бодрова, в фильме «Связной» в этой совершенно тебе не скучной Северной Осетии. В группу его насватал все тот же Лёха Балабанов.

Да, жалко парня.

Но, как говорит Сергей Карнет, нет большего счастья для художника, как погибнуть на боевом посту с гранатой в растопыренной руке.

Светка после этого тихонько поехала своей красивой крышей. Говорят, что почти не выходит из психушки

*на Агафуровских Дачах, седьмой километр Старого Ураль-
ского Тракта.*

Депресняк с попытками самоубийства.

Дикая алкогольная зависимость.

Десинхронизация мозжечка.

Такие дела.

МГ.

«Сказочки» поимели широкий успех в узких кругах Свердловской интеллигенции, и даже была предпринята попытка отснять серию мультипликационных фильмов на основе этого богохульства. Однако времена в России становились все более и более напряженными, денег порой не стало хватать не только на мультики, но и на самый обыкновенный портвейн №33. Поэтому было решено показать произведения одной шведской журналистке Виктории Сван, приехавшей на волнах перестройки в орденоносный город Свердловск под эгидой международного молодежного движения «Некст Стоп».

Постоянно удивляет и радует, как много людей на Западе смогли подняться благодаря Перестройке, написать научные труды, стать советниками по Российскому вопросу, проводить десятки и сотни лекций в престижных залах ми-

ра, и просто путешествовать по России, пользуясь традиционным русским гостеприимством. Мой один очень хороший знакомый Штефан, с одноименной с шефом, группенфюрером СД, фамилией – Шеленберг, (так как действительно являлся дальним ближайшим родственником погибшего в борьбе с евреями и коммунистами группенфюрера СД), работавший Заведующим Восточным отделом журнала «Таг», говорил, что если ты в Русском секторе прессы, то можно не опасаться, что потеряешь свою работу. Сногсшибательные новости из России будут всегда. На худой конец можно что-нибудь и насочинять. На новости-страшилки из России, где по традиции всё должно быть плохо, все западные обыватели падки, совсем как на сексуальные скандалы Белого Дома из-за океана.

Как всегда находятся люди, которые чувствуют себя очень плохо, когда другому хорошо.

И наоборот.

Штефан, как уже было оглашено, сгорел дотла в фешенебельном салоне самолета Конкорд, авиакомпании Air France в 2000 году под Парижем, как один из богатых немцев, собирающихся в круиз по Аляске.

Эр Фрэнс потом выплатила по пять лимонов марок каждой семье погибших, а поскольку вся Стёпкина семья состояла из Ирки Губерской, то она и получила все бобы, чтобы ветвь постгруппенфюреров СД с русской кровью продол-

жала своё благополучное существование на планете Земля, Солнечная Система, Млечный хайль-гитлер путь.

Такие дела.

Виктория Сван была искренне восхищена Петюниной Ленинианой и его иллюстрациями к сказочкам, потому что они действительно стоили этого. По-русски она была не бель-меса, так что сами сказочки, к сожалению, не были так же по достоинству оценены. Петюня оказался настолько умен под ее чарами, разговаривал с ней исключительно на непере-водимом языке любви, что отдал ей наш первый и последний оригинальный экземпляр сказочек, что называется за красивые глаза и теплую любовь.

Они прощались на станции Свердловск-Центральный, поезд уносил ее на следующий некст-стоп в славный город Новосибирск, Россия, Земля, Солнечная Система, Млечный Путь, унося так же и сказочки Льва Николаевича Толстого, который, как доподлинно известно, очень любил детей.

Кондуктор не спешил, кондуктор понимал, что с девушкой Петр Малков прощался навсегда.

– Итс тайм, сан. (It's Time Son!) Для идиотов, кто по англицки не сечёт, это означает, что пора уже лапти в вагон двигать, синявка, я из-за тебя состав задерживать не буду.

Лев и собачка

(быль)

В Лондоне показывали диких зверей, и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками: на корм диким зверям*

Одному человеку захотелось поглядеть зверей, он ухватил на улице собачонку и принес ее в зверинец. Его впустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошел к ней и понюхал ее.

Собачка вздвизгнула.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул ее лапой и перевернул.

Собачка вздвизгнула.

Они поженились...

Собачка вздвизгнула.

На утро собачка издохла, а у льва стали опухать лимфатические узлы.

**Лондон – главный город Англии*

КОПЕНГАГЕН

Однако чтобы продолжить свои журналистские исследования России, Виктория Сван пробила в Копенгагене на вручение Нобелевской Премии в области литературы и искусства Иосифу Бродскому. Она оказалась настолько настырна, что даже попала на банкет, посвященный награждению лауреатов, пробила к Бродскому и добила персонального интервью.

Иосиф был очень доброжелательный дядька, растроганный вручением ему такой высокой награды и миллиона долларов, он потратил несколько своих драгоценных часов на беседу и выслушивание Вики в Тиволи-гарден. Я, кстати, или некстати, замечу, что все Иосифы очень интересные и доброжелательные люди. Возьмем хотя бы, к примеру, Иосифа Водовоза, или Иосифа Чернова, или Иосифа Сталина, удивительной судьбы люди. Первый, правда, мошенник, второй растратчик, а третий – просто убийца.

Кстати Сталин умер, а дело его живет в веках и народах.

Такие дела.

Вика похвасталась своим глубоким знанием России, рассказала о себе, как она исколесила матушку вдоль и попе-

рек, как встречалась с великими людьми, и о нас с Петюней не забыла упомянуть, как о немаловажном жизненном приобретении.

АМСТЕРДАМ

Марэнта де Моор, моя очень хорошая подружка в славном городе Амстердаме, удивительной судьбы человек, как-то вычитала в журнале «Космополитэн», (по опросу журнала «Тайм» – самый ненавидимый мужчинами журнал), что если ты хочешь добиться собственного внутреннего духовного удовлетворения, необходимо в жизни переспать хоть с одним да великим человеком. По ее глубочайшему уверению, великие люди живут только в России. Выучив, до блестящей степени совершенства, русский язык, способная обматерить любого синяка в винной лавке где-нибудь в Сухорукове, и, как настырный и уверенный в своих начинаниях и поисках человек, она перебрала добрую половину русского мужского населения столицы Голландии, и, не найдя ничего приличного, поехала в Россию в поисках такого

Толстого. С кем поведешься – так тебе и надо.

Жизнь тоже достаточно часто сталкивает меня с великими людьми, встану, бывало, утром, посмотрю на себя в зеркало, и вот, пожалуйста, встреча состоялась. Правда лицо у великого парня частенько прилично помятое, а в сторону этого человека великого уж лучше не дышать, – упадет и не вспомнит, с кем встречался.

ВАНУА-ЛЭВУ

О, Марэнточку-то я знаю. Каждая пипетка мечтает стать клизмой. Однажды в Питере мы с ней стусанулись на каком-то рокеровском тусике организованном Иринкой Косиновской, Сан – Францизсковской. Там Марэнточка победила в локальном конкурсе всех присутствующих там дам самых отвратительных выражений, даже не материшинных ругательств, а просто гнуси. Выиграла бутылку водки и тут же ее выпила почти одна. Даже не поделилась со мной. Только с Троценком.

А вот её фраза. И откуда только в простой голландской девушке из приличной семьи ТАКОЕ.

«Биксы сидели на койках и напряженно мацали у парней залупы».

МГ.

На каком-то из этих рокерских тусэ, которые так активно посещала девица, оказалось быть какому-то балбесу с Шестого канала Питерского ТВ.

Ну и что?

Вскоре Марэнте предложили контракт на Шестом канале Питерского телевидения в отделе криминальной хроники.

Это на этом «тусэ» этот «балбес» и был. Все домогался до всех близлежащих тёток. Я по другую сторону столика сидела, и то он умудрился все чулки в области моей очень острой коленки своими тупыми Докторами Мартинсами изгваздать. Гладил их нежно, типа того что.

Юра его звали?

МГ.

Каждую Божию ночь она выезжала на теле рейды, на места убийств, изнасилований, ограблений, помогала снимать утюги с добротных животов, и очень этим гордилась. В конечном и счастливом итоге она, после трудоночных поисков, нашла своего Льва Николаевича Толстого в лице бывшего барабанщика группы Аквариум, хорошего, в сущности, парня Петра Трощенко. К сожалению, жизнь молодых людей вместе не была долгой и добронаживной.

Марэнту Дэ Моор прошила шальная пуля.

Это случилось при знаменитом расследовании «600 секунд» «душной сволочи» Саши Невзорова. Это тогда, когда в него стреляли неизвестные никому до сих пор злодеи. Как известно выстрелов было два. Вторая пуля ранила знаменитость, а вот первая угораздила зацепить сонную артерию голландской любительницы русских запрещенных барабанщиков.

Зацепила и ушла рикошетить по старым, обоссанным

кирпичным стенам Питерского колодца.

Марэнта скончалась на месте. Душенька тяжело вышла из пострадавшего тяжёлой, гнилой, ноздреватой, как старый картофан, российской действительностью тела. Шея её нежно кровоточила.

Чтобы не устраивать международных скандалов смерть журналистки была оформлена, как несчастный случай, (упала на маникюрный нож, поскользнувшись в ванной комнате при принятии душа). Красивое брэнное тело отправили маме Маргрэйт Дэ Моор в цинковом гробу грузом 200, рейсом С. Петербург – Амстердам.

Тем же самым рейсом, тем же самым стареньким Ту-154, что мы в своё время прилетели на Голландщину с Пашей Матюхиным, будущим первым русским Министром Культуры Нидерландов.

Такие дела.

Марэнта мне оставила в наследство автомобиль Волга, Газ-21, такси, подаренный ей за хорошую работу на Шестом Канале от благодарных милиционеров города на Неве. Авто благополучно сгнил за восемь лет постоянной парковки в Амстердаме на улице Поштестье Вэх, прямо на мосту.

А ключики от такси лежат сейчас в моём «историческом» комоде в Торонто.

Ага.

Так вот, можно считать, что мы заочно переспали с Иосифом Бродским. Он настолько серьезно оценил наше с Петюней сочинение и иллюстрации, что забрал их с концами в свою коллекцию, назвав их одними из лучших в этом стиле «произведениями» (слово то какое сильное), которые он видел за последнее время. Забрав Петюнины координаты, он обещал нам позвонить, как только, так сразу, и, к несчастью, пропал навсегда. Что только не делали бедные сыновья лейтенанта Бродского, писали ему письма, звонили его литературному менеджеру в США, ходили в редакцию журнала «Юность», официальному агенту Иоси. Все напрасно. Рукописи не горят, но пропадают в столах под сукном у великих мастеров. И пришлось нам восстанавливать упущенное, базируясь на собственных скудных воспоминаниях и воспоминаниях благодарных читателей.

В редакции журнала Юность на дверях главного редактора в то время висел вполне примечательный плакат-лозунг. Какой?

«Юноши и девушки! Овладевайте друг другом!»

Не с внешней стороны редакторской двери, конечно, а с внутренней.

Чтобы прихожане не заметили.

Кстати, Бродский умер, а стихи его живут.

Такие дела.

И ничего у меня от него не осталось.

Вот, правда, есть такое стихотворение, что написал на его смерть Володя Мишин, Бродского хороший знакомый еще по иммиграции и мой добрый друг. Царство ему небесное.

На смерть Бродского.

Он умер в январе, в начале года...

И. А. Бродский

«Стихи на смерть Т.С.Элиота»

Умер Бродский... Добавить нечего.

*В шесть часов утра или вечера — не имеет зимой
значения*

*для закрытого помещения
капитала в швейцарской банке*

*жестяной из под валерьянки, валидола и корвалола —
чтоб пореже в груди кололо*

*в ярко-красном стручковом перце, именуемом ниже
«сердце»*

*Расстреляло запас оружие
гениального словоблудия, не подверженного конверсии,
но — согласно известной версии — душа гения отлетела,
дистанцировавшись от тела, подлежащего погребению —
и сказуемого поебенью*

четверть века тому в Империи
бывшим ведомством Л. П. Берии
Остаются в прошедшем времени
падежи, части речи, премии, телогрейки, абзацы,
мантии, визы, консульства, дипломатии, пересуды,
суды, ОВИРы, фунты стерлингов, Йены, лиры
(в смысле денег и музы в смысле), отвердевшие
полумысли, не дошедшие до бумаги, и – трёхтомник
в универмаге
В настоящем – слова-сироты.

И поэтов взвода и роты, батальоны полки и армии —
тех, что, встав за станки токарные, подгоняют их так
и этак, как в прокрустовы рамки клеток
тематического кроссворда, именуя всё это гордо,
почему-то стихов твореньем, а не просто – бумаги
треньем
Впереди – если верить слухам — бесконечные сборы
с духом, варианты реинкарнаций, перемены полов
и наций, местожительства и профессий, христианских
и проч. конфессий, конституций, гражданств, привычек,
коньяка, сигарет и спичек
языка, цвета глаз и кожи.

И имен, к сожалению, тоже
Имена остаются с телом — на надгробиях первым
делом
(а бывает, что и последним — с позволенья сказать,
наследием).

*Иногда – на листках бумаги
(см. «трёхтомник в универмаге»). И в сердцах
(не сочтётся пошлым!)
современников – если в прошлом
был к тому подходящий повод
и для связи двужильный провод
Ну, а провода – те недолги.*

*Далеко до Невы и Волги.
Где он нынче – Василь'вский остров?
(Пригодился чужой апостроф
для родной, изначальной речи). Да и речь далеко-далече.
Время сжалось до мертвой точки. Все слова – кроме
нижней строчки — ожидает приют сиротский:*

*Бродский умер —
да здравствует Бродский!*

Виктория Сван так пела, что очень хотелось сесть ей на лицо. Это Жванецкий так выразился о ней после встречи зарубежных журналистов с Клубом Толстяков России в 1998 году в Питере.

Нажралась эта лебедь белая там как грелочка и давай горланить Калинку-Малинку-Мою. И никто не мог ее остановить из уважения к женской зарубежности, так трудолюбиво и старательно, не, пропуская ни единого слова, она выводила – Кальйинка-Мальйинка моя.

Да, и еще вот что, в 1999 году, в марте, Виктория Сван, к тому времени ярая антиглобалистка, получила прямо в лоб большую полицейскую пулю со слезоточивым газом около консульства Соединенных Штатов в Торонто, во время демонстрации протеста бомбардировки Югославии.

Через четыре дня она благополучно скончалась в госпитале у себя дома в Стокгольме от кровоизлияния в мозг, так же как Антоша Горонков в своё время в Тель-Авиве.

Такие дела.

В Торонто Вика жила у меня четыре дня, тут и познакомились с Миланом Ивановым (ударение на первом слоге, не могу на этом моём старом компе поставить знак ударения, какой-то глюк).

Я тогда обучал его, как приготавливать «Коктейль Молотова». Помогли уверенные, на твердую четверку, знания сапёрного дела, полученные на военной кафедре Арха от лица неувядаемого товарища майора Сапёрных Войск Жмаева Василия, отчество запомнил по-стариковски.

Он то, Милан, и вытащил Викторию на эту антиамериканскую, антивоенную-в-Белграде демонстрацию. Погубил человека, урод, да еще и сам в тюряшечку залетел за то, что гранаты никогда кидать не учился. Моя-то бутылочка прямо на стене консульства взметнулась ярким пламенем, осветив восторженные лица протестующих идиотов. Сказались

уверенные, на твердую четверку знания военно-тактической подготовки, полученные в войсковой части 6705.

А Милан, почему-то, все в полицейских метил, мудила. Вот и получили они с подружкой Викой слезоточивую гранату. Вика прямёхонько в лобешник, а он от гранаты газу нахватался до посинения в лёгких.

От Вики мне в память остались ее шведские водительские права, а от Милана – ничего, кроме доброй памяти и... ну и все.

НЬЮ-ЙОРК

Вовка Мишин, маленький, плотный такой, как сбитень, с вечно сальными, длинными, светлыми волосами, совсем не похожий на поэта и даже архитектора, очень любил, когда в Архе учился, играть в хоккей за сборную Института. Поэтому и не стригся, наверное, чтобы на канадских проффи быть похожим. От Военки его освободили по причине вялотекущей шизофринии, хорошо он тогда её на Агафуровских Дачах закосил.

На одной из городских кубковых встреч, (межвузовское первенство), Володьке выбили шайбой все передние зубы. Прямо под корешок. То есть все корни во рту так и остались. Всё бы ничего, пошел к простому советскому зубнику и заменил их, или вырвал просто, да только вот надо же было такому случиться, что у Мишина на то время в кармане уже лежала «грин-карта», успешно выигранная в бесплатную американскую лотерею. Да и до кучи еще и билет до Нью-Йорка.

Полетел бедолага в Америку на зеленом велике. Без денег, естественно. Откуда деньги у простого поэта-архитектора. Там, в Штатах, у него на нервной эмигрантской почве случился какой-то катаклизм со здоровьем, и все болячки как раз в корни этих зубов и ушли. Денег на жирных американских дантистов не было, поэтому у бедного парня стала загнивать кость челюсти и благополучно таки сгнила, дав са-

мое преобычное заражение крови прямо в мозг, пораженный уже вялотекущей шизофренией. Даже 15 тысяч долларов, благодушно выделенные умирающим Иосифом Бродским из Нобелевского гонорара своему старому другу уже не помогли, так как шутки с зараженной кровью в больном мозгу до добра не доводят.

Володя благополучно скончался в конце декабря 1997 года с клинике для бездомных, в Бронксе.

Бродского пережил он совсем немного, но вот стихотворение на смерть поэта написать успел.

Такие дела.

СВЕРДЛОВСК

За что мы еще с Петюней благодарны Викочке лебедю белому, ей, нашей единомышленнице?

За то, что она устроила нашу встречу с любимым вождем и учителем, дорогим товарищем Ким Ир Сэном.

Хау?

Ничего особенного она, правда, не сделала, просто отправила наше письмо в Пхеньян из Копенгагена. И письмо дошло до адресата.

Из России, её тогда еще СССР называли в широких кругах, корреспонденция в эту далекую дружественную страну в ту пору не доходила совсем по понятным причинам. Находилось множество людей, жаждущих прочитать любовные признания лидеру этой славной державы. Потом, видимо, забывали заклеивать вскрытые конверты. А может, просто ветром письма выдувало в открытые окна почтовых отделений или почтовых же вагонов дальнего следования.

Зная это, мы с Петюней решили послать письмо товарищу Ким Ир Сэну не ему лично, а через редакцию нашего горячо любимого журнала «Корея Сегодня». Был такой в нашу бытность. Достаточно раритетное издание, между прочим.

Поступал в продажу журнал раз в месяц и распространялся через магазин «Политкнига», что напротив нашего родного Свердловского Архитектурного Института. И по сосед-

ству с парикмахерской «Парикмахерская», куда нас засылал болваниться под бобрик майор Жмаев с Военной Кафедры за 11 копеек из своего же собственного кармана. Ежеженедельно.

В «Политкниге» работала продавцом Немая На Четверых, большая любительница студентов архитекторов и выпить на халяву. Она-то нам и оставляла (на свой страх и риск) два журнала с каждого выпуска.

ВАНУА-ЛЭВУ

Да было это все. Странно, но не врет. Я про Немую На Четверых. Даже при мне произошло, когда её так окре-стили. Сначала-то у неё просто кликуха была Немая. Потому что молчала всегда, выбирала глазами жертву и шумно сопела до тех пор, пока не набиралась по самые зёнки и волокла студента в койку.

А тут мы сидели втроём – Мишка, я и Пашика Матюхин в общаге на Июльской 22. Настроение, естественно, как всегда плохое. Пить осталось полбутылки Эгдэма, вдруг стук в дверь – и сразу же без разрешения вваливается Немая в сияющую пьяная. Сразу уткнулась тяжёлым взглядом в Пашику, засопела и молчит. Пашика такой поднимает указательный палец и говорит ей:

– Ирка (её настоящее имя Ирка), Ирка мы сегодня пьём на троих.

Она тяжело, как Вий, подняла свои красивые сиреневые веки, так же подняла указательный красивый палец в красивых сиреневых ногтях, покачала им красиво и тяжело вы-давила из своего красивого сиреневого рта два слова:

– На чет-ве-рых...

МГ.

СВЕРДЛОВСК

И так уж мы полюбили эту «Корею Сегодня» и эту далекую, теплую страну, что долгими зимними вечерами, за решением задач по Строительной Механике и выпиванием легкого недорогого вина, мечтали, как сядем в красивый голубой вагон СВ и поедем туда, где процветают идеи Чучхе.

А на вокзальной площади нас, путешественников, будут с цветами и добрыми улыбками на уверенных лицах встречать маленькие, симпатичные собой мальчики и девочки, пионеры, узкоглазо, но смело смотрящей вперёд державы, верные этим самым идеям Чучхе.

Потом нас, взяв крепко своими мужественными руками за архитектурные запястья, с песнями поведут вот к этому, как здесь на фотографии, дворцу с большим, красочным, но правдивым портретом вождя на фасаде.

Это не то, что нашего Лёню Брежнего расписывали.

Нет! Тут все правдиво будет!

Черновик нашего письма в журнал «Корея Сегодня» существенно усиливает своим патриотичным смыслом коллекцию моего внутринационального, семейного достояния.

Вот оно, это письмецо, один к одному на русском. А Сва-ниха послала их по своим журналистским каналам из Дании на русском, английском и корейском (сделал перевод ка-

кой-то южнокореец) для полной уверенности, что нас поймут.

26 марта 1988 года

Редакция журнала

«Корея Сегодня»

Пхеньян

Северная Корея

Михаил Уржаков

Пётр Малков

Либкнехта 23, Свердловск, 620055

СССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Идеи Чучхе живут и побеждают!

*Письмо Великому Вождю и Учителю, Дорогому
и Любимому Товарищу Ким Ир Сэну.*

*Любимый наш товарищ, красноречивый соратник
по Мировой борьбе, родной до нестерпимой боли, друг
пострадавших детей всего Мира, любимый еще раз Ким
Ир Сэн.*

*В эпоху тяжелой борьбы мирового пролетариата
и мирового крестьянства и всех остальных людей
тоже за равенство и братство между собой
и народами свободолюбивого мира мы, простые,
мирные, но готовые к борьбе за Вас студенты
и последователи идей Чучхе из Свердловского
Архитектурного Института Советского Союза*

говорим Вам, дорогой наш Друг и Учитель,
здравствуйте!!!

Здравствуйте на долгие годы на радость нам
и скрежещающую злобу врагам тоже так же и как!

Зная неусыпную заботу Вашу о подрастающем
племени молодых революционеров-борцов
за осуществление идей Чучхе, и желая быть в первых
рядах таких стремительных орлов, просим Вашего
дружеского, учительского, революционного согласия
на посещение нами (имена и фамилии указаны выше)
Вашей неотделимой Родины Ким Ир Сэна.

Хотим на Великом деле, возвеличенным умом
учиться методам славного учителя и просто дорогого
человека при Ваших революционных домашних условиях.

Знаем, что не каждый горазд, как у нас в СССР
шутят, попасть в кузовок ваших считанных свободных
минут. Однако тешим себя гордой надеждой, что
сможем оправдать Ваше доверие и пожать Вашу же
чистую руку своими комсомольскими еще пока,
студенческими, архитектурными тоже руками.

Ждем Вашего, красного от борьбы за лучшее,
приглашения, как два готовых на все лишения соловья —
пара.

p.s.

Наша студенческая стипендия, к большому
социалистическому недоумению не позволяет нам
почувствовать тепло Ваших рук. Так что небольшая
помощь в покупке авиа или железнодорожного
билета с сutoчным революционным пайком будет

*весьма признательно принята нами в наши
юные последовательные идеям Чучхе, студенческие,
заскорузлые борьбой руки.*

С красным знаменательным приветом

Михаил Уржаков

Пётр Малков

Смерть врагам империализма!

Смерть врагам империализма!

*И так 37 раз, дорогой наш любимый товарищ
и учитель Ким! Если можно Вас так называть!*

ТОРОНТО

Милан, этот козленок по имени Гав, кстати сказать, удивительной был судьбы человек. После того, как он откинулся через два дня под залог и подписку о невыезде из Торонтовского КПЗ на улице Куинсвэй 234, просидев там, как герой за хулиганство и причиненный вред полицейским, судьба наградила его выигрышем в лотерею 6 из 49 в размере не много ни мало, а 992 тысячам долларов. Могло быть и больше, но еще двоим везучкам попали такие же номера. Милан отдал югославской общине сполна 50 штук залога, которые за него были заплачены, и через Нью-Йорк, так как из Торонто его бы не выпустили, улетел на свою далекую европейскую родину с оружием в руках защищать ее свободу и независимость. Оружие у него было в руках только одно – ракета земля-воздух «Стингер», которую он приобрел в Румынии на часть своего выигрыша.

Вот тот большой, красивый, черный, недостижимый самолет Американских ВВС «Стэлс», сбил в окрестностях родной маминой деревни, как вы уже догадались именно он. Позвонил мне в Торонто со своей мобилки. Похвастался этим. Герой мой недобитый.

А что толку. Три днями позже погиб при бомбежке Белграда, спасая какую-то старушку из горящего дома.

Да и та старпердень оказалась всего навсего китайкой

из близлежащих руин Посольства Пиплс Репаблик оф Чайна.

Ну? Хоть одна геройская и гордая собой смерть в моей коллекции.

Такие дела.

СВЕРДЛОВСК

Теперь о гордыне.

Приблизительно то, что я высказал отцу Алексею, перед тем, как ему оказаться «на динэ самива килубокага калоца». Когда батюшка мне твердил о гордости усмиренной и о том, что человек это терновый венец истории, попивая церковные запасы кагора, то я своим ответом легко подтолкнул его к могиле и встречей с Отцом небесным. Человек не может жить без чувства гордости, так как гордость – это не что иное, как самоутверждение самого ценного, что у тебя есть – своего собственного «я». Перед бесконечной вечностью и бесконечным временем, перед бесконечно убогими по отношению к этому людьми и Богом.

Одни люди гордятся собственными достоинствами, другие – достоинствами Господа. И наслаждаются при всем этом своей ничтожностью.

Совсем не нужно, Алеша, развиваться и «не позволять душе лениться, чтоб в ступе воду не толочь, чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы, и не жег позор за мелочное прошлое», достаточно наглядно продемонстрировать окружающим, как ты упиваешься и гордишься достоинствами нашего Отца небесного.

Что мы видим, Лешенька – гордость от собственного смирения. Стукнул ты меня по правому яйцу – вот тебе, гад, ле-

вое, я все стерплю, всю эту несправедливость, всю эту мерзость, потому, что я выше тебя, противный... Выше тебя, потому, что лучше исполняю заповеди, а значит и ближе к трону Божьему.

Гордость отсутствием гордости.

Потому как нельзя не гордиться вообще, если только ты не полный даун, как, скажем, Вадим Самойлов после бутылки коньяка. Гордиться можно чем угодно, если только признаёшь себя личностью, пусть даже именуемой «рабом Господа нашего».

Господи, какой же я умный!

ОДА (ни к селу, ни в красную армию)

Ода Кошачьей Религии.

Кошка, ожидающая котят, в миллион раз важнее всех религий и направлений вместе взятых. Больше того: она важнее всех поступков, устоев, традиций, мыслей и решений человечества. Она – кошка!

Она ждёт котят и всё!

Вселенная копошится на брюшке самой её презренной, слепой блохи

Где-то я уже это слышал. В упор не помню где, наверное в моей третьей.

ВАНУА-ЛЭВУ

Дурак ты плюшевый и электроникой не проверенный. Евангелие от Маяковского. Ну не лез бы ты со своим скудным умишком в дебри религии. Ты ведь даже и креститься то толком не умел. То справа на лево, то слева на право. Стыдно было смотреть на тебя, идиота, во время нашего венчания, а потом, годами позже, и крещения Стешки.

А как остаканишься, так прямо глаза на лоб лезут с идиотскими мыслями. Умник с тараканьими мозгами.

МГ.

Солдат (быль)

Горел дом. И никто не мог в него войти, и, даже, как-то и не хотел особенно.

А солдат подошел и сказал:

– Я войду. Ему сказали: – Сгоришь

Солдат сказал:

– Два раза не умирать, а раз не миновать...

И вбежал в дом...

Вообще-то, сам по себе юноша оригинальный. Их, славян, не поймешь.

Такие дела.

ЛОНДОН

Грязный, маленький барчик «Plugman» в районе Сохо приютил умного меня и умного Сашу Калужского в дождливый декабрьский вечер. Я поил его пивом, а он говорил, говорил и говорил не умолкая. Я так думаю, что, совершив большую ошибку назначив Сашу менеджером, Слава Бутусов его выгнал именно за то, что тот слишком много говорил.

Словами моего доброго друга Лао-Цзы из далекого Гонконга: – «Говорящий не знает, а знающий не говорит».

СВЕРДЛОВСК

Надо сказать Слава Бутусов говорил мало, и иногда, когда говорил, говорил монументальные вещи. Вот пример. Как-то раз мы оказывали непосильную помощь в употреблении портвейна и сдаче диплома Архитектурного Градостроителя жене Димы Умецкого, Капитолине. До сдачи проекта приемной комиссии оставались какие-то считанные часы, а начертить еще нужно было оооййй как много. Вдруг Слава обнаружил, что в запутанной развязке дорог, одна уходит куда-то под мост и, блин душа, не выходит из-под него. И тут возник спор между Димой и Славой. Первый говорил, что огнем все гори, главное чтобы проект выглядел выхлестнутым, получить этот диплом, скрутить его трубкой и забить себе в бэк. Слава все это спокойно выслушал и сказал сакраментальную фразу:

Дима, дорога не может идти в никуда.

Типа того что, дескать, мол, всё окей – должна вести к храму?

Я моментально влез своим пьяным и потным языком в этот липкий спор.

Почему?

В первую очередь потому, что в ту пору активно находился под сильным влиянием Святого Писания, Корана

и Сай Бабы. Святое писание, переписанное от руки щителънее нелъзя моей бабушкой Катей, Коран – найденный на чердаке заброшенной мечети в селе Большеустыикинское, а Сай-Баба просто прилетал ко мне в моих снах каждую трезвую, не похмельную ночь.

Перед смертью баба Катя много мне лекций-пророчеств наговорила по поводу того, куда этот мир безбожный катиться.

Действующий и активно назло врагам коммунизма, пионер Уржаков не многое что запомнил, но вот задним числом вонючий интеллигент и художник иммигрант Гейтс восстановил в памяти, что мир по Писанию, скоро будет опутан сетью, которая задушит все живое на Земле и всем грешникам, типа тебя, пионер, будет присвоено число Зверя страшного, которое вопрут им в их грешную плоть. И как только это произойдет, то мир провалиться в геенну огненную, типа того, что, дескать, мол, перестанет совсем существовать.

Попомни мои слова, внучёк-милой-сын.

Конечно, каким образом нас задушит паутина, и как нам выжгут знаки, все это бабушка объяснить не могла по бедности человеческого языка, отвердевшего в борьбе с нуждой колхозной коллективизации. Однако умно и тягостно показывала перед моим сопливым пионерским носом-картошкой своим заскорузлым в нудной работе указательным пальцем.

Ну и что мы видим сейчас?

Паутиной, интернетом, зятянута уже добрая, продвинутая

и просвещенная собой половина человечества. Вторая половина, не зятанутая и не просвещенная, без сопротивления умирает, преспокойно расставаясь с нескучной жизнью.

А самая! продвинутая человечина в их японском лице уже вводит себе под кожу штрих со всей своей шестизначной информацией. Иногда даже без спроса, между прочим, родителей.

В Святом Коране так совсем понятно сказано —

Сума-46.7

...последней дорогой к Всемогущему Аллаху, что есть никуда и нигде идущая, так как недосигаемая высотой своей и чистотой...

...Аллах Акбар – Воистину Акбар

Сай-Баба, белый такой, бородатый старик-индус (я сначала думал, что это просто Смерть, но потом увидел его фотографию на стене в номере Гребня в Новотэле в Торонто), просто прилетает ко мне каждую Божию трезвую ночь и говорит, что уже давай, покупай билет, и полетели со мной в в в никудаааааа!!!

Я за ним лечу так, лечу, а он мне кричит, да куда-ж-ты, ёбать, летишь то, ты билет сначала купи, урод ты русский, православный. Вот и пойми его.

А утром просыпаюсь после таких с ним полетов – такой стояк на меня нападает, что сразу приходится над собой в душевой кабине активно работать, даже никаких журналов с красивыми такими, голыми картинками не надобно.

Ну, так вот.

Так что говорится в бабушкином Писании и потом подтверждается в Святой Библии в Апокалипсисе от Фомы (Александрийская библиотека)?

*Господи Иисусе гневный наш во всей Силе Своя
пошлет народы неверные Ему в путь страшный,
в пучину черную, где возврата нету никому, и ведет
тот путь в никуда неизвестно никому...*

*И тогда соблазняются мнози, и друг друга предадут,
и возненавидят друг друга...*

А вот Фомы Неверующего писанина:

39, 5 – 876

*чтение четвертое о Звере
и поведет он всех мучеников отрекившихся
в своих золотых обиятиях
в луче небывалой яркости
по дороге в никуда
ибо не будет больше пути иного
для грешников*

Я это достаточно внятно, на портвейном языке Славе высказал.

Слава попросил меня свернуть нежно все это трубочкой и засунуть себе в бэк. А так же попросил эту дорогу, ведущую в никуда на проекте Капитолины Умецкой, заштриховать почернее, чтоб дипломная комиссия не врубилась.

Понял, дурандас нетрезвый!

На этом спор о дорогах удачно завершился, потому как чувствовал я за собой вину страшную еще за прошлый год рабства.

А годом раньше, когда мы уже нашей отработанной бригадой помогали завершать дипломный проект Саше Коротичу, работавшему над градостроительством Комсомольского района в нашем таком горячо-сильно-так-любимом Свердловске, по моей вине произошел казус, который повлиял на презентабельность нашего такого любимого города.

Как существующий ночной сторож Клуба Арха, готовящийся в ряды Вооруженных донельзя Сил, постоянно выпивал по ночам с совершенно левым народом. Чаще всего с дипломниками и музыкантами, так как в клубе было прописано множество молодежных музыкальных коллективов, несущих в своих песенках разумное, доброе, вечное.

В те февральские дни заглянули ко мне в подвал на огонек не кто иной, как Карнет и Терри, с их новым и дорогим обнималовом в лице поэта-песенника Юры Юлиановича Шевчука, тогда еще только начинающего подниматься в глазах прозревшей на путь истины молодёжи.

Пришли такие трое, уже навеселе, гряд, давай мы у тебя бутылочку портвигана пропустим, и пойдем Короту помогать с его завалящим дипломом. Там уже Бутусняк с Умкой ждут.

Я грю, да чо давайте пейте, веселитесь, только если комендантша Хафиза Исмаиловна прибежит, эта мышь белая, надо будет бастренько бутылки под стол запихать, атоеть уволят меня, как пить дать без выходного пособия.

Портвигана «Чашма» оказалось не одна бутылка, а одна бутылка в каждую руку.

Ну, сели, пьём. Шевчук все наворачивал рассказать о газе «Зарин», которым, как, оказывается, дышит вся Уфа в определенных количествах. Грит, что если бы не Зарин, то в Уфе одни бы обычные люди только и жили, а сейчас большинство – неординарные. Я грю, да, я знаю, сам Уфич. Вот гляди на меня, у меня один глаз немного выше другого. Ну, мы потом тут о политике немного поговорили в его песенках, потом стали под третью бутылку уже об армии, а на пятой бомбочке перешли, как положено на баб. Потом петь потянуло, хотя закон всем нормальным пацанам известен издавна: – «Воздерживайтесь от вина, женщин и песен. Преимущественно от песен».

Ну, тут мои прихожане потянулись за кисетами с сигами Прима и Стюардесса. Я грю, эээ нет, поколение вы моё потерянное, давайте-ка на февральской марозец, типа того что, дескать, мол, трезветь, и дымите там. Сейчас Хафиза с пер-

вого этажа смог почует и к нам в подвал прибежит, вот тогда мне пиздец приключится. (Экскьюз май фрэнч). Коря с Терри сразу врубилась, сиги попрятали, а Шевчуган сел такой в кресло, закурил свою Приму и давай дымить мне в лицо, сука.

Ну, я, молча так налил себе еще стакан, выпил, подхожу к нему, а он ведь крендель худооой, как глиста тогда был, в чем душа держалась. Всего себя на сцене вымотал.

(В Торонто когда он приезжал в 2001 году – репа у него, вооо какая стала. На телеге не объедешь).

Думаю, ну щас как я ему въеду по роже его наглой, пельмень душный, ох и завоешь же ты у меня, будешь знать, как курить у меня на рабочем месте!

Он, наверное, понял, чо к чему и как вставит мне своей худой ногой прямо не вставая по моим аичкам. Он как-то потом уже многими годками позже так же сильно на каком-то тусэ Бутусову под сраку пнул. Вот скандал то был. По пьяни, наверное.

Пинщик, блядь. Экскьюз май фрэнч.

Я то тут при чем.

При том, что умер на несколько мгновений своей ущербной жизни. Полетел в какую-то черную трубу, лечу так себе на яркий свет. Опять же Сай Баба появился откуда-то, говорит, давай уже возвращайся, билеты то опять не купил. Я грю, да какие же билеты-то, у меня и денег на билеты нету. Я вон даже до Сочи в прошлый раз из Свердловска на поез-

де зайцем добирался. А Сай Баба мне грит – билет-то тебе за баксы покупать придется.

Ну, тут уж я совсем одурел, аж отрыгнул криком, то есть портвейном немного из спертой духом грудной клетки.

Отрыгнул, значит, и глаза так открываю, а меня наша мышь-белая-комендантша в засос целует, и рубаха у меня до пояса на груди расстегнута. Я так испугался и ей к-а-ак дал в глаз правый, прямо вот сюда, только цифры на табло засверкали! Она ведь совсем маленькой биксой была, отлела к стене с музыкальными инструментами и благополучно катапультировала худой жопой на Умкин Фэндэр Джаз-Бас, у которого так же благополучно переломился гриф в двух местах. А фэндэрочком то этим в то время не много ни мало можно на Жигу-копейку обменяться не глядя.

Я встаю, такой весь полуголый, в блевонтине весь почему-то подозрительно не своим, «мышь» на полу стонет, за голову держится, волосы ее распущенные говорят о распущенности, лоб нежно кровоточит. А трое молодцов моих Карнет, Терри и Шевчуган стоят и смотрят на меня, и лица у них подозрительно трезвые и белые.

Наверное, на мороз все же курить уходили ненадолго так, пока Хафиза ко мне приставала грязно. Я грю, – «Да ладно с этой гитарой, пришлет ему еще одну бабка его любимая из этой сраной фашистской Германии».

Они всё стоят и молчат. Я тоже молчу так. Потом Терри грит, – «Ты же умер тут у нас на глазах, козёл, чуть нас

всех под статью не подвёл. Юрка тот вообще сознанием выключился, когда мы поняли, что у тебя мотор не стучит. Ну, мы с Корей-то знаем, как искусственное дыхание делать – не зря на военку ходим. Прямой массаж мышцы и прямое же вдухание воздуха тебе в ротовую полость, а затем в легкие. Массаж мы тебе правильно делали, но вот как дело дошло до вдухания, нас с Корей обоих стало на тебя рвать. Как только губ твоих посиневших коснемся – сразу тошнит портвейном. Мы так поняли, что нам, наверное, никак не смоётся полюбить тебя крепко. Поэтому мы дёрнули вверх, к твоей любимой «мышке».

Хафиза молодец, даже под конец рабочего дня не выпила ни грамма. Так что мы решили, что она будет тебе свой могучий воздух вдухать из плоской груди, а мы своими могучими руками значит, будем тебе на грудь в область сердца давить с периодичностью в четыре секунды.

Раз-два-три-четыре – вдох, раз-два-три-четыре – вдох!

Вот так ты и ожил, совсем как в кукольном спектакле «Иисус Христос Супер Звезда».

Давай уже застёгивайся, блевонтин смывай и пошли отсюда. Люди ждут. Мы этот портвейн не только для тебя несли».

Ну, короче, Хафизу мы откачали от моего удара, влили ей стакан портвишка, и пришлось мне её за моё спасение поцеловать взасос. И тут выяснилось, что она такие фертелея может языком делать, что мама-не-горюй. А язык то такой длинный, что сам Мик Джэггер позавидовал бы. Я чуть

опять не задохнулся.

Вот как женщины проявляют себя творчески в экстремальных ситуациях!

Попросили её не рассказывать о Фэндэре, ато ей же хуже будет. Ну, сломалась и сломалась гитара – с кем не бывает.

Девушка дала согласие молчаливым кивком головы с изрядной блямбой под левым глазом.

Хафизу эту, с длинным языком, всё равно уволили. Умка настучал за свою сломанную гитару. А Хафиза меня не выдала, Зоя Космодемьянская такая.

После неё, кстати, директором клуба Свердловского Архитектурного Института стал Леша Могилевский, любитель орального сэкса. Как говорить, подселел кресло.

Коротич-сотоварищи в лице Умецкого, Бутусова и Зиги сидели в институте и доводили дипломный проект до завтрашней сдачи в комнате под номером 301. В комнате под номером 301 находилась редакция институтской газеты «Архитектор», постоянный источник крамолы и эзоповой антисоветчины.

Мы вчетвером ввалились в маленькую комнату, её ментально наполнило кислое амбрэ от плохо почищенной от блевотины рубашки. Пришлось под гневные высказывания окружающих её снять и замочить в раковине туалета, оставшись только в исподнем. Затем портвейн был щительно разлит по бумажным стаканам и работа закипела.

Три раза приходилось сбегать в Монопольку, винный ма-

газ на улице комиссара Толмачева, за необходимой подпиткой. Часам к трем ночи проект подходил к своей завершающей ноте «фа», выходил на финишную прямую к утренней девятичасовой сдаче.

И тут у меня в голове что-то замутилось, видимо после неудачной смерти, замутилось в глазах, в ногах, и я стал медленно оседать на пол, на котором были разложены восемь квадратных метров уработанных чертежей и красиво покрашенных фасадов домов в новостроящемся районе, под добрым, политкорректным именем – Комсомольский. Бумажный стакан, до краев полный сладко-терпкой жидкостью, как в замедленной съемке, вывалился из моей нежной, художественной руки и залил красно-коричневой кровью Христа все эти восемь метров драгосостояния.

Немой сцены после этого не последовало, не немые и были – наоборот, я получил в пятакину от маленького, пухлого Ильдара Зиганшина, (в простонародье Зиги) и моментально очухался. Зига в то время уже стал заниматься восточными единоборствами, особенно его заинтересовало искусство борьбы Сумо. Юрка тоже рвался мне морду начистить за утерянные безвозвратно граммы, но воспоминание о моей недавней смерти видимо остановило его. А проект оказался безвозвратно завален. Не было даже и мысли за оставшиеся шесть часов его переделать. Не представлялось даже возможности перенести его на следующие дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.